

Не идеальная я

Автор:

Валентина Сегида

Не идеальная я

Валентина Александровна Сегида

Ольге скоро 36 лет, и она в очень непростой ситуации. После развода ей достается квартира в центре Санкт-Петербурга, в которой невозможно жить, потому как дом на капитальном ремонте. Бывшая коммуналка, полная тайн и загадок, окутанная легендой запрятанного там клада – лакомый кусочек для любительницы приключений. И пусть самое правильное – продать квартиру и купить нормальную, без мышей и плесени, Ольга даже и не думает так поступать. Она влюбляется в квартиру с первых минут и собирается разгадать все ее тайны. Любимый мужчина против, мама в бешенстве, а лучшая подруга считает ее неисправимой авантюристкой. И с ними не поспоришь. Но Ольга не в силах пройти мимо баек про клад Ломова, истории о нелюдимои Графини и загадочного обитателя чердака, который любит читать Бунина. Тайны манят, и она с головой уходит в их разгадку, параллельно отстаивая право быть такой, какая она есть. "Не идеальная я" – это роман о поиске себя в современном мире.

Валентина Сегида

Не идеальная я

Глава 1

– Тётя Ася прилетела.

– А я тут при чём?

– Её нужно встретить и привезти к нам.

– Ну мам, я ещё сплю. Давай я такси закажу.

– Просыпайся, уже почти десять. Ты всю жизнь проспайшь. А тётя Ася в такси не поедет, дорого. Будет твои деньги экономить и пойдет искать автобус. Ты же её знаешь.

– Знаю... А почему её папа не встречает.

– Форс-мажор. Рейс на пять часов задержали, папа уже на работе, у него там что-то важное.

«Что может быть важнее тёти Аси?» – подумала я, но промолчала.

– Мам, ну у тебя же есть кого попросить, почему я?

– Да потому что в пятницу в это время не занята только ты. Так что поднимайся и езжай в аэропорт. Я сейчас скину тебе её номер телефона. Она тебя ждёт.

– Да я даже не знаю, как она выглядит. Я забыла, когда мы последний раз виделись?

– Она сама тебя узнает, я им фотографии отправляю регулярно. Родственникам не безразлична твоя судьба, даже если они живут далеко. В отличие от тебя. Тебе, дочь, на всех наплевать, включая меня, – в голосе мамы появились нотки драмы, и я, опасаясь, что сейчас польётся море упреков, скоростно согласилась ехать спасать тётю Асю от опасностей большого города.

А как хочется ещё поспать. Я заснула под утро. И пусть мама считает меня безработным паразитом, но я учусь. И почему мне должно быть стыдно, что я могу не работать? Я своё отпахала. Успешная карьера главбуха не принесла мне ровным счётом ничего, а только обогатила моего бывшего мужа. Я больше так не хочу.

Делать нечего, я встаю. Натягиваю спортивный костюм поверх пижамы, умываюсь и плюхаюсь в кожаное кресло автомобиля. Навигатор показывает пятьдесят три минуты до аэропорта. Отличное начало дня.

– Чёрт! – с сожалением вспоминаю, что не поздравила маму с днём рождения. Собственно, приезд тёти Аси приурочен именно к этому мероприятию. В масштабах нашей семьи мамин юбилей – это грандиозное событие, на которое собираются родственники из всех уголков России. Большую часть этих родственников я видела в раннем детстве и, в отличие от мамы, общаться с ними не стремилась.

Сегодня вечером под прикрытием празднования юбилея будут проходить негласные смотрины Валеры. Мне самой это не нравилось, но я обещала маме быть со своим кавалером. Она крайне настойчиво намекнула, что лучшим подарком для неё будет знакомство с потенциальным зятем. Но я купила маме дорогущую хлебопечку на случай, если зять подкачает.

Неделю назад у нас с Валерой состоялся разговор.

– Мама приглашает тебя на свой юбилей.

– Я польщен. Буду.

Мы сидели с ним на ступеньках крыльца дома поздним вечером и пили глинтвейн.

– Чего ты переживаешь? Это ж мама.

– Мне не нравится, что она лезет в мою жизнь.

– Я ей понравлюсь. Я же красавчик, – Валера подмигивает мне и расплывается в улыбке. – Только в пятницу у меня совещание в Москве, я прилечу в шесть. Могу не заезжать домой, мчать к тебе на помощь. Буду излучать любовь, и материнское сердце успокоится.

– Не уверена. Но мне всё равно.

Мы живем вместе уже полгода. Я счастлива как никогда в жизни. И я даже думать не хочу, что будет дальше и насколько хорошо мы друг другу подходим. Мама молчит и свое недовольство держит при себе, но я его чувствую. Я прекрасно знаю, как это – когда мама тобой недовольна.

В машине играет «Эльдорадио». Я слушаю лирические напевы и улыбаюсь. Моя жизнь прекрасна и удивительна. Я люблю и любима. Немного волнительно от предстоящего мероприятия, но в любом случае оно ничего не изменит в моей жизни. Я поздравлю маму, отвечу на бестактные вопросы от дальних родственников, а потом уеду в свой идеальный мир. И там меня никто не достанет.

На подъезде к Пулкову я набираю номер телефона, но он вне доступа. Боже, как же я отвыкла от таких сюрпризов. Всё моё детство папа встречал, искал и провожал маминых родственников, друзей детства или просто хороших людей, которые в городе проездом. Очередной раз вздыхаю, паркуюсь и иду искать свою троюродную бабушку. Кажется, так называется мамина тётя для меня?

– Оля! Я здесь! – выскакивает на меня из-за колонны перехода хрупкая старушка интеллигентного вида в берете.

– Тётя Ася? Я вас не узнала!

– Так откуда тебе меня помнить. Спасибо, что встретила старуху.

Я ловлю себя на мысли, что вот сейчас могу грузить чемодан какой-то чужой бабушки. Вообще не уловила ни одной схожей черты с воспоминаниями детства.

– Как долетели? – пытаюсь я поддержать разговор, пока мы едем по Московскому проспекту.

– Да нормально. Я последний раз летала тридцать лет назад. Спасибо, мама твоя билеты купила и приказала лететь, так бы умерла, а Петербург не увидела.

– Маме невозможно отказать.

– Твоя мама – святая женщина. Столько добра всем нам сделала. Расскажи про себя. Как Валера, сделал предложение? С детками лучше не тянуть. Тебе же уже тридцать пять?

– Э-э-э. Я работаю над этим.

Как же они мне все надоели с этим вопросом и жалостью во взгляде. Можно подумать если я не родила, то вообще не человек и не заслуживаю счастья. Настроение испортилось вмиг.

– Ты в церковь ходишь? Надо к Тихвинской иконе съездить, у неё все деток просят, и Бог их слышит. Я очень жалею, что у меня детей нет.

– Зато у вас племянников человек десять, если я не ошибаюсь.

– Да, они мне как дети.

– Вот видите.

А дальше всю оставшуюся часть пути тётя Ася рассказывает мне новости про родственников. Я охаю, ахаю и поддакиваю, нет смысла ей говорить, что мне не очень интересно слушать про тех, кого я не знаю.

Я останавливаюсь у мамы во дворе и высаживаю родственницу. Тётя Ася обнимает меня и кладёт мне в руку холщовый мешочек.

– Там бабушкин крестик. В церковь сходи, исповедуйся, а потом надень и носи не снимая. Он тебе поможет понять, где правда, а где происки дьявола.

Тётя Ася уходит, оставляя меня в полном раздрае. Я кладу подарок в сумку, сажусь в машину и уезжаю. Я не хожу в церковь, а разговоры про веру и Бога мне в тягость. Я их не понимаю. И не хочу понимать. Я хочу, чтоб меня оставили в покое и не лезли со своими советами, как же мне жить правильно.

В унылом настроении я ехала домой и понимала, что это только начало.

– Привет! Проснулась?

– Не только проснулась, но и уже успела поработать таксистом.

– Как интересно. И много смогла заработать?

– Нервное расстройство.

– Что случилось? – голос Валеры из спокойного и расслабленного вмиг становится серьёзным.

– Да ничего особенного.

– Я вылетаю раньше на два часа, и это значит, мы поедем вместе к родителям. Скоро буду, держись.

– Вот это отличная новость, первая за сегодня.

Милый дом встречает меня привычной тишиной. Как же я люблю эту старую деревянную избу. Он пропитан любовью и покоем, и тут же забываю про маму, тётю Асю и собственное несовершенство. Мой маленький мир прекрасен, стабилен и любим, а что там, за забором, меня не особо тревожит.

Я иду варить себе кофе и сооружаю схематичный завтрак. В этих обыденных делах я ловлю баланс, успокаиваюсь и улетаю в свои неспешные планы и фантазии. Я чувствую в себе силы пережить сегодняшнее пати у родителей.

В пять часов я, уже нарядная и с хлебопечкой, стою на крыльце и жду Валеру. Телефон у него выключен, и я начинаю волноваться. Снег тонким слоем запорошил землю, создавая одно сплошное белое покрывало. Вполне вероятно, что завтра всё растает, – питерская погода непредсказуема, но сейчас можно насладиться этой красотой. Ноги в туфлях немного подмерзают, я не планировала гулять. Я собиралась сесть в такси и красивой приехать к маме, чтоб хоть этим её порадовать.

«Поезжай без меня. Я буду позже. Извини», – приходит смс от Валеры. А чудо было так возможно. Я уже успела размяться, как мы вместе приедем и мой любимый всех очарует. Ну да ладно. Валера старался как мог, но с его работой такие неожиданности в порядке вещей.

– С днём рождения, мамуля!

– Ты одна? Я так и думала.

– Валера будет позже, он обязательно приедет тебя поздравить.

У родителей дым коромыслом. Меня всегда удивляло, как эта крохотная квартира способна выдержать такое скопление людей. В зале накрыт стол, он ломится от еды. Конечно, мама три дня потратила на его приготовление. Я не понимала, зачем в век ресторанов устраивать такие застолья? Кому нужны эти посиделки за столом, переедание и пересыхающая река тостов и воспоминаний?

Я и забыла, как велика наша семья. Мне удавалось последние десять лет прогуливать такого рода мероприятия. Я забегала в начале на полчаса, дарила подарок и убегала, ссылаясь на вечную занятость. Тогда у меня были муж и официальная работа, а значит, и мамино уважение.

– О, и ты тут! Неожиданно. Как дела?

– Да всё отлично, не жалуюсь.

Мой двоюродный брат Стёпа уже успел поднабраться спиртного и теперь подсел ко мне для бесед. Мама говорила, что у него сложный развод, и просила быть терпимой к его невыносимости.

– Твоя мама сказала, что у тебя роман с папиком, может, с работой поможешь, а то у меня сейчас сложные времена.

Вот за это я и не люблю семейные тусовки. В одном предложении тебя просят помочь и оскорбляют одновременно.

Меня спасает мама и увлекает на кухню. А потом мне удастся ускользнуть в свою бывшую комнату. Там мало что изменилось с тех пор, как я тут жила. Сегодня здесь будут ночевать все те, кто приехал поздравлять маман издалека.

От Валеры нет вестей, и я с тоской смотрю на часы: сколько мне прилично здесь пробыть, прежде чем можно сбежать? Я собираюсь максимально долго просидеть в своей комнате.

– Ты чего тут спряталась?

– Пап, ты же знаешь, что я не очень люблю такие мероприятия.

– Знаю, дочь. Но для мамы это важно, так что пошли, сейчас поросенка понесут.

Я опять за столом. Всё вкусно, но кусок не лезет мне в горло. Остаётся только пить, и я щедро наливаю себе красное вино в бокал.

Справа от меня двоюродная сестра Ира, у неё двое маленьких детей и она увлечена ими. Слева – дядя Петя, он увлечен коньяком и спором с дядей Борей. Я как бы есть, но меня нет, и меня это более чем устраивает. Я смотрю по сторонам и думаю, с кем бы я могла хотя бы просто поболтать? Напротив – мой родной брат Витя с женой и пятилетним сыном. Вот с ним бы я с удовольствием перекинулась парой слов, но к нему не подступиться. Мама держит меня в курсе жизни каждого члена семьи, хоть я и не прошу. Но кто я, чтоб спорить с мамой? Она рассказывает, я слушаю. Видимо, и они в курсе моих жизненных изменений, я ловлю на себе любопытствующие взгляды.

Тётя Ася в клане старшего поколения взяла власть в свои руки и уже митингует против Путина. Разговоры о политике в одном конце стола, за жизнь – на другом, но все они чередуются с тостами за мамино здоровье. Её здесь искренне обожают. На место Иры неожиданно подсаживается папина сестра, и начинается допрос с пристрастием. Мама с ней общается не так плотно, как той бы хотелось, и я послушно утоляю её информационный голод.

Через два часа я, изрядно выпившая и уже не такая чувствительная к вопросам, получаю очередную смс от Валеры – «Соня заболела, я к ней еду. Извинись за меня перед родителями. В следующий раз их очарую. Целую, ночевать буду с Соней. Её мать в отъезде». И целующий смайлик.

С одной стороны я расстроена, но с другой испытала облегчение. Смотрины – дело нервное, да и ещё в таком обширном составе. Я потихоньку вылезаю из-за стола и иду на кухню ловить маму. Дело близится к торту, а значит, она скоро

придёт доставать «Наполеон». Празднование продлится до самой ночи, но вот после чая официальная часть может считаться законченной.

– Мам, я скоро поеду. Всё было вкусно, ну как у тебя всегда бывает.

– Почему так скоро? Ничего и не поела.

– Я всё пробовала, а «Наполеон» возьму на вынос, если можно.

– Почему ты спешишь уйти?

– Я устала. У Валеры дочка заболела, он сегодня не приедет. Валера передал тебе поздравления и извинения, что так сегодня получилось.

– Понятно. Езжай, если тебе так невыносимо скучно на семейном празднике.

– Ну мам, ты ж меня знаешь. Я тебя очень люблю. Но все эти застолья не для меня.

– Семья – это самое дорогое, что есть у человека. Мне очень жаль, что ты этого пока не понимаешь. Там в холодильнике тебе два контейнера стоят, а если хочешь «Наполеон», то жди, пока я его на стол поставлю и свечи задую.

– Спасибо мам, я тогда без торта.

Я обнимаю маму на прощание и уезжаю домой. Отстрелялась и, как мне кажется, отделалась малой кровью.

Глава 2

Я просыпаюсь одна. Зябко. Накрытая двумя одеялами и с включенным на максимум обогревателем, я всё равно не могу согреться. Конечно, второй этаж этого дома не предназначен для проживания зимой. Сейчас начало декабря, ночью стойкий минус. Через щели старого сруба всё тепло выдувается

мгновенно. Термометр внутри показывает плюс пятнадцать градусов. Внизу есть печь, там значительно теплее, но мне нравится спать тут.

Строители утеплили дом осенью, сделали водопровод и канализацию. Но я так не хотела ничего менять в этом доме, что каждый этап модернизации воспринимала с болью в сердце. Будь моя воля, я б жила с деревянным туалетом в коридоре и ржавым ручкомойником в углу. Да и со старой баней во дворе. Лишь бы ничего тут не менять. Я так боялась потревожить ауру этого дома, что предпочитала мириться с тем, что есть. Но теперь тут жил Валера и ему требовалось больше комфорта.

Смешно звучит – мужчине нужны лучшие бытовые условия, чем мне. Но это факт. Когда я наотрез отказалась отсюда переезжать в другой – нормальный по словам Валеры – дом, он удивлённо посмотрел на меня и сказал:

– Ты меня не перестаёшь удивлять. Серьёзно? Ты собираешься жить в этом старом сарае без удобств. В двадцать первом веке, когда я могу купить или построить тебе любой дом? Ну или снять. Ты можешь выбрать всё, что пожелаешь, а ты уперлась в эту развалюху, и всё.

– Как ты не понимаешь, я люблю этот дом. Я в нём счастлива. Это наш мир, и он мне дорог. Тем более ты сам сказал, что жить здесь удобно – Соня всегда рядом. Десять минут, и ты можешь увидеть дочь. Давай ещё немного тут поживем, а потом переедем? Ты всё время на работе, или в командировке, или с Соней. А меня бытовые трудности не пугают.

– Ты сумасшедшая. Хорошо, поживём тут до холодов. Но завтра я пришлю сюда Олега с бригадой, пусть сделает этот дом пригодным для жилья нормальных людей. Меня, например.

Этот разговор состоялся в конце лета. С тех пор дом стал значительно комфортнее. Валера привык и махнул на меня рукой. А я была счастлива, что не нужно съезжать.

Я плотнее укутываюсь в одеяло и пытаюсь ещё немного поспать. Но солнце за окном так ярко светит, что спать не получается. Именно сейчас луч солнца скользит по моему лицу и заставляет отвернуться к стенке. Но краем глаза я всё же успеваю увидеть чистое небо за окном, поразиться его пронзительной

голубизне в лучах утреннего солнца. Или уже не утро? Сколько я спала?

За те полгода, что мы вместе живем, дом успел обрасти нашими вещами. К огромной кровати, которая недавно стояла одна, добавились шкаф, комод с зеркалом и пара тумбочек.

На полу кучками лежат мои книги и буклеты из разных строительных магазинов. Я вот уже полгода как не работаю в большом доме, но новую работу не нашла. Честно говоря, я не сильно и старалась. Мне нравилось учиться. Я постигала азы «Автокада», изучала строительные материалы, а также СНиПы и разрешительную документацию на перепланировки. Я купила кучу книг про интерьеры и притащила домой сотню буклетов со всевозможных выставок. Я обростала печатными изданиями значительно быстрее, чем успевала их переработать в знания. Но ничего не могла с собой поделаться, я тащила в дом всё, что могло мне пригодиться в дальнейшей работе.

Заснуть дальше не получается, и я нехотя встаю с кровати. Всё ещё кутаясь в одеяло, я пытаюсь найти телефон. Но безрезультатно. Бросив эту затею, я спускаюсь на первый этаж.

У самой лестницы стоит старый сундук, разобранный на части и ошкуренный мной почти до белизны. Ещё одно моё новое увлечение – это изготовление интерьерных вещей своими руками. Окунувшись в мир дизайна с головой, я поняла, что мне очень нравится делать необычные вещи своими руками. Сейчас я была увлечена сундуком, точнее, его обновлением. Для этого у меня были отдельная кучка книг, ящик с инструментами и целая батарея банок с морилками, красками и лаками. Это всё базировалось в коридоре под лестницей.

На первом этаже значительно теплее и пахнет старым деревенским домом. Внизу нет электрических обогревателей, тут тепло идёт от большой русской печи. И даже не прикасаясь к ней, я знаю, что она тёплая. Сбросив одеяло на пол, я иду умываться.

Стоит рассказать, как изменился старый дом и каким образом я придумала ввести в него водопровод и канализацию. Когда я озвучила свою идею Валере, он сначала насупился, задумался, а после трёх минут тишины начал громко смеяться. Я, конечно же, ещё нарисовала, как должна выглядеть моя идея, и дала Валере пачку рисунков. Он со смехом перебирал их раз за разом и никак не

мог остановиться.

– Это ты сама придумала? – спросил он, когда смог успокоиться. – А что, это будет эффектно, только чур сама Олегу объясняй, как всё это сделать.

А потом ещё долго ржал, кружил меня по дому и требовал любви прямо сейчас. В общем, у нас с Валерой часто обсуждения заканчивались именно так. Мои аргументы растворились в его безудержной страсти, и он разрешил переоборудовать веранду в ванную комнату.

Надо сказать, что веранда дома была крошечной пристройкой, не имеющей общего фундамента с самим домом. Видимо, она строилась как летняя кухня, значительно позже самого дома. Прямоугольное десятиметровое помещение, три стены которого имели большие окна, а последняя стена – это стена дома. Вход на веранду осуществлялся из комнаты первого этажа. Я туда редко заходила, поэтому, придумав сделать из нее ванную, я, по сути, ничего не теряла.

Дверь на веранду я оставила старую, изнутри комнаты первого этажа ничего не поменялось. Снаружи тоже, фасад дома остался прежним. А вот то, что сейчас было скрыто за дверью, впечатляло всех, кто заходил туда впервые.

Вот и сейчас, заходя в ванную, я вспоминаю, с каким скептицизмом слушал меня Олег, как пытался отговорить вначале. А потом, когда дослушал до конца, загорелся и с энтузиазмом придумывал техническое решение для моей смелой идеи. Сложнее всего было утеплить веранду так, чтоб не менять внешний вид фасада дома. Но мы с этим справились. Сделанная из говна и палок, веранда не была предназначена для нахождения там в холодное время года. И уж тем более она не была предназначена для водных процедур. Щели в стенах. Прогнившие доски пола. Полуразвалившиеся рамы окон. В какой-то момент я сама подумала бросить свою идею и просто поставить душевую кабину в коридоре, как предлагали строители и здравый смысл. Но нет! Я зажглась и заставила поверить Валеру, а затем и Олега, что я не сумасшедшая, а художник. Я так вижу.

Мы завели водопроводные и канализационные трубы через пол, попутно перебрав его и утеплив. Сняли окна и изготовили в размер такие же деревянные, но по современной технологии. А затем тонким современным

утеплителем обшили стены изнутри, украв у площади пола не больше десяти сантиметров по периметру. Прodelав все нужные технологические процедуры, стены обшили деревом. Внешне они напоминали старые амбарные доски, посеревшие от времени. На пол уложили белую шестиугольную кафельную плитку, предварительно собрав тёплый пол.

И сейчас я стояла босыми ногами на тёплом полу и мне не было холодно. По центру комнаты стояла ванна, и я собиралась в неё залезть. Старая чугунная громадина была найдена мной на барахолке. Начало девятнадцатого века. Отреставрированная руками мастера, она идеально подходила этому месту. Черная снаружи, она стояла на металлическом каркасе. Сложное крепление нарисовала я, а выковал его один кузнец-очумелец, опять же найденный на просторах интернета. Он сделал овальное крепление для шторки на потолке. Теперь залезая в ванну, при желании можно было использовать её как душ, закрывшись со всех сторон плотным прозрачным пластиком. Что я сейчас и собиралась сделать. Я переключила рычаг настройки душа с крана на лейку и встала под струи тёплой воды, текущей сверху. Конструкция ванны была уникальной, я придумала её сама и очень этим гордилась. Она оказалась не только красивой, но и очень удобной. Пожалуй, у неё был только один недостаток – мы с Валерой туда не помещались вдвоём, размеры не позволяли. Но это пришло нам в голову один раз и особой грусти от отсутствия такой возможности мы не испытали.

Помимо ванны с одной стороны у единственной стены стояла раковина с зеркалом, а с другой унитаз. Кого-то бы смутило мыться при трех огромных окнах, но этот кто-то – не я. На каждом окне были деревянные жалюзи, и при желании их можно было закрыть. Но я этого не делала, мне нравился естественный свет, тем более я точно знала, что высокий двухметровый забор по периметру участка скрывает весь дом от посторонних глаз. Вот и сейчас яркое декабрьское солнце пробивается сквозь деревья и так и норовит попасть в глаза.

Этот день похож на все предыдущие, и я мечтаю, чтоб и на многие следующие. Мне нравится то, как я сейчас живу. Кто бы мог подумать, что год назад я пребывала в глубочайшей депрессии. Мой муж ушёл к другой женщине после тринадцати лет брака. Я не представляла, как жить дальше, и не надеялась на скорое счастье. Но жизнь меня удивила, и сейчас я живу куда более полной и интересной жизнью, чем последние десять лет. Странная штука жизнь, никогда не знаешь, что она тебе приготовит.

Так где же всё-таки мой телефон? После душа с кружкой кофе я сидела в кресле-качалке и предавалась размышлениям. Улетать в мир фантазий и воспоминаний – это я люблю. Зависнуть между выдумкой и реальностью – моё излюбленное занятие. Вчерашний день, хоть и пошел не по плану, оставил приятные воспоминания. И где Валера? Он, наверное, звонил и опять будет ругаться на то, что я не слышу телефон. Очень не хотелось вставать и шевелиться, но телефон сам себя не найдёт, а дела не сделаются. Их у меня на сегодня целая куча.

Я нашла телефон в сумке в коридоре, там же были два контейнера – один с котлетами, а второй с оливье. Отличный у меня будет завтрак, подумалось мне, и я достала холодную котлету рукой и тут же засунула её в рот. С наслаждением проглотив ещё две, я оставшиеся засунула в холодильник и вернулась в дом.

Три пропущенных звонка, можно даже не смотреть от кого – мама, Машка и Валера, с лёгкостью угадала я. На часах одиннадцать. Суббота. Вот чего им не спится? Это я про маму и Машку.

Сначала я позвонила Валере, но он не взял трубку. Спустя минуту пришло смс: «Занят. Позже наберу. Всё норм». Я уже перестала удивляться и злиться таким ёмким сообщениям. Это ещё хорошо, что он мне написал. Для него вообще нормой было не отвечать, когда он занят. Да я и злиться на него не могла, я утопала в нежных чувствах и легко могла сама себе придумать сопливый подтекст в его коротких фразах. Он любит меня и всячески это доказывает поступками. А то, что у нас отношения не как у всех, так я уже привыкла. Ну и что значит «как у всех»? Все живут по-разному, выстраивая свой хрупкий мир под себя.

Мой мир сейчас – это Валера и этот старый дом. Надеюсь, в ближайшее время у меня появится новый проект. Валера женится на мне и у нас будут дети. Я в это верю, хоть предложение ещё не поступало. Ему нужно время, а я никуда не спешу. Впереди столько всего прекрасного. Мне достаточно сейчас этого для счастья. И то, что он ещё в процессе развода, меня не смущает. Валера сказал, значит сделает. Он такой – человек слова. Прошло ещё только полгода. Главное, что у нас любовь!

Я опять улетела в мир грёз, но настойчивое жужжание телефона вывело меня из этого состояния. Мама в свойственной ей манере начала с главного:

– Я не хотела тебе вчера ничего говорить, думала, что вдруг ошибаюсь, но нет. Мы с папой за тебя волнуемся. Ты опять связалась не с тем мужчиной. Ему на тебя наплевать, он не ценит твоих родственников и живёт своей жизнью. А тобой только пользуется, пока ты ему не надоешь. Он наиграется и вернётся к своей жене, а ты опять останешься одна с разбитым сердцем, депрессией и без денег.

Я потеряла дар речи от этих слов и продолжала слушать маму, которая пятнадцать минут мне в подробностях рассказывала, как она пришла к такому выводу. И то, что он вчера так и не появился на её дне рождения, окончательно убедило её в своей правоте.

– Вы уже полгода вместе, но он так и не нашёл времени с нами познакомиться. Да и что мы, старики, его даже твоя Машка не видела. Ты живёшь в своем фантазийном мире, в общем-то, как и всегда. Но тебе уже не двадцать лет, пора научиться думать о своём будущем. Ты рожать во сколько лет собираешься? Да и от кого? У тебя нет времени тратить его на неподходящих мужчин. На женатых мужчин! Мы с папой этому тебя не этому учили.

– А чему вы меня учили? – только и смогла я сказать, когда стала приходить в себя. Мне было очень обидно слышать от мамы эти слова.

– Мы учили тебя быть честной и независимой. Нельзя строить семью с человеком, у которого уже есть семья! А ты всего лишь молодая красивая игрушка, которую он купил. Ты опять растворилась в мужчине и живёшь его жизнью. Ты ни с кем не общаешься, никуда не ходишь. Сидишь в чьём-то старом доме и целыми днями ждёшь его. Работы у тебя нет. Будущего тоже нет.

– Мам, зачем ты так? Ты только что меня содержанкой назвала.

– Так и есть. И раз ты этого сама не видишь, я тебе говорю. Мне со стороны видно.

– Перестань лезть в мою жизнь! Критиковать всё, что я делаю! Перестань думать, что ты лучше знаешь, как мне жить! Я что должна делать? Бросить его, ты этого хочешь?

– Я хочу, чтоб ты вернулась с небес на землю и включила мозги. Долгое пребывание в розовых соплях может дорого тебе стоить. Если он тебя любит и у вас всё серьёзно, он должен развестись.

– Он разводится, только это всё не быстро. У него вопросы опеки и денег еще не решены.

– Вот ты глупая, неужели не понимаешь, что когда мужчине надо, он решает такие вопросы быстро. Он не спешит, потому что с тобой так можно!

Больнее всего попала в цель эта последняя мамина фраза.

– Как со мной можно?

– Можно без обязательств. Ты бесхребетная. Уважающая себя женщина не стала бы заводить отношения с человеком, который ещё не разобрался в прошлых отношениях.

– Он разобрался, он любит меня! Он живёт со мной! Он выбрал меня!

– На самом деле это все твои фантазии. По факту он с тобой просто спит. А ты, дурочка, придумала всё остальное. Ты можешь обижаться на меня сколько хочешь, я – твоя мать и моя задача – тебя защищать. Пусть я говорю глупости и гадости, как ты считаешь. Я на твоей стороне. И руководствуюсь фактами. А они таковы, что он до сих пор живёт жизнью своей семьи. Не развёлся и, вполне вероятно, не собирается этого делать.

Дальше я слушать не могла и выключила разговор.

Мама вмиг испортила мне настроение. Я искренне верила, что все её обвинения – чушь собачья. Но мне было так обидно, ну что, сложно за меня порадоваться? Я такая счастливая сейчас. Но нет, надо обязательно сказать мне своё мнение про мою никчемную, по ее мнению, жизнь. Мне не требовалось убеждать маму в её неправоте. Мне хотелось, чтоб она просто оставила меня в покое и держала своё мнение при себе.

Кофе остыл. Настроение на нуле. Но телефон завибрировал у меня в руке и вывел из транса. Это была Машка.

– Але! Давай рассказывай. Всё утро жду рассказа, как вчера прошли смотрины! Мама офигела? И что сказала? А! Ты дрыхнешь? Бессовестная лентяйка, мне бы так! – тараторит в трубку подруга, а на заднем фоне я слышу лай собаки, визг детей и «Смешариков» на максимальной громкости.

– Привет! Фиаско, это было фиаско. Валера не пришёл, Соня заболела, и он поехал к ней. Мама была в бешенстве, но, как могла, держала лицо. Все ж родственники приехали смотреть на новую удачную партию для её дочери-разведёнки. А тут упс. Верни меня в адекватность, мама только что полчаса меня с грязью смешивала. Содержанка я бесхребетная, если коротко, – говорю я и начинаю в красках описывать нашу беседу. А потом и весь вчерашний вечер.

– И знаешь, самое обидное, что я-то её понимаю. У неё своя правда, поколение такое. Штамп в паспорте во главе всего. Ну а мне-то что делать? Не могу же я маму заблокировать? И не звонить ей. Но раз сегодня прорвало на настоящие эмоции, мне теперь каждый раз при общении слушать её мнение про Валеру и мою жизнь?

– Да забей ты. Что, маму свою не знаешь? Ей бы лишь бы тебя спасти и воспитывать.

– Легко сказать, но она ж скоро и в тебя вцепится, чтоб меня образумить. Как её уговорить?

– Найди работу. Что у тебя на этом фронте?

– Да ничего, я её и не искала. Я учусь. И мне так нравится, ну ты знаешь. Мне сейчас вообще всё нравится в моей жизни. Можно попробовать, но опыта у меня немного. И я думала после Нового года начать искать.

– Как же я тебе завидую. По-белому, естественно, – говорит Машка, а потом зажимает трубку и кричит в сторону, – Фу! Джек, брось мой сапог. Я кому сказала, чудище ты лохматое. Ещё одни сапоги, и ты пойдёшь жить на помойку!

– Думаешь, мама отвянет, если я найду работу? И её станет меньше волновать, что Валера долго разводится? Вот как ей объяснить, что чувства мне важнее, чем штамп в паспорте? Я уже была замужем, ну не было там счастья для меня.

– Твоя мама меркантильна донельзя, как только будет мнимая финансовая независимость, градус накала спадет. Скажи ей ещё, что ты стала тырить семейные деньги и откладывать их на сберкнижку, и она будет счастлива.

– Ты прикалываешься? Мне не нужно тырить, у меня целая тумбочка налички, могу тратить. Валера не жмот, а даже наоборот.

– Твоя мама этого не знает. Ей кажется, что он тобой пользуется, а ты в облаках. Скажи ей, что откладываешь деньги на чёрный день, и она решит, что ты поумнела.

– Ладно. Ну а ты что думаешь?

– О чём?

– Про его развод? Он реально долго это делает.

– А ты его спрашивала, что происходит?

– Нет. Он такие вопросы очень не любит.

– Так спроси.

– Как спросить? Чтоб это в скандал не превратилось?

– Мне тебя учить?

– Ну, посоветуй, ты ж психолог человеческих душ.

– Чтоб задать неприятный вопрос и не отхватить люлей, нужно мужика максимально расслабить. Мне ли тебя этому учить? Делаешь романтический ужин, садишься с винчиком на это ваше крылечко и, глядя вдаль, ненароком

спрашиваешь...

– «Развёлся ли ты»?

– Блин, мать, ну так в лоб нельзя. Надо ненавязчиво так сказать, а давай твоих друзей позовём к нам в гости. И детей. И их детей. Ну что-то устроим такое. Скоро Новый год... очень показательное время. Где мужик в Новый год, там у него и семья.

– У него день рождения четырнадцатого декабря. Юбилей. Может, замутить семейный ужин в ресторане?

– Отличная идея. Вот тебе и знакомство с его друзьями и родственниками в максимально расслабленной обстановке. И там слушаешь, как он тебя представляет всем своим. А когда он выпьет, прилично так, спрашиваешь его о волнующем.

– А какой ресторан забронировать? И что мне ему подарить? У него всё есть.

– Лучший подарок – подарок, сделанный собственными руками! Подарок должен быть концептуальный и про вас двоих, – говорит Машка, а потом кричит куда-то вдаль: – Гриша, поставьте вазу на место, это память о бабушке! Если разобьете, вам всем хана. Олег! Убери вазу на шкаф, – а потом мне: – Ну всё, пока, у меня сейчас квартиру разнесут дети и собака, пора всех на улицу выгонять.

– Что, мне ему открытку рисовать? – говорю я в телефон, но там уже тишина.

Да уж. И что мне ему подарить? И я вообще не сильна в сюрпризах. Ни разу никому не устраивала. Как это делать? В ресторан звонить бронировать, а потом всех приглашать? Но у меня телефонов его друзей и родственников нет. Тут нужно хорошенько подумать. Благо есть ещё почти две недели.

Настроение вернулось в своё обычное состояние, и я ходила по дому пританцовывая. Врубив «Русское радио» на телефоне и транслируя его на стационарную колонку, я погрузила дом в ритмы популярного хип-хопа. Мама говорит, у меня нет музыкального вкуса, я слушаю всякое гов...о. К черту маму, мне тридцать пять годиков, и я могу слушать всё, что захочу. Откуда у меня

такое стремление всегда оправдывать её ожидания? Вот её тут нет, я могу Бузовой подпевать. Меня воспитывали хорошей послушной девочкой, и мне до сих пор хочется, чтоб мама всегда была мной довольна. Я только недавно поняла, что отождествляю мамино одобрение моего поведения с тем, что она меня любит. Внутри так глубоко сидит – осуждает, значит, не любит.

А это мой дом. Он никому не нравится, кроме меня. Что и говорить, вибрации этого дома улавливаю только я. Валера смеётся, но поддерживает. Он вообще меня не критикует, ему важны мои чувства. Я знаю, что он скоро придёт. И ему нужно моё принятие. Моё хорошее настроение. Я хоть и в облаках, но не совсем дурочка. Мы, как два подранка, встретились на изломе жизни. У него своя история, у меня своя. И в этом нашем переживании своей боли мы очень деликатны друг к другу. Мама передёргивает, уличая его в использовании меня. Я вот подозреваю, что всё в точности до наоборот. Это я не готова к обычным, «нормальным» отношениям. Это я не хочу в «замуж». И это я не готова к детям. Мне так нравится узнавать себя и жить своей жизнью, что меня очень устраивает большая занятость Валеры. И то, что у него уже есть дети. Это если быть совсем честной самой с собой. Последние полгода я считаю самыми счастливыми в своей жизни не только потому, что влюблена. А главное потому, что я живу как хочу. Мне позволено искать себя и слушать своё сердце. Я могу не работать на тошнотворной работе и жить там, где нравится именно мне. И очень большой вопрос, кто кем пользуется, но маме я этого не скажу.

Мне сложно сказать, что же я на самом деле думаю про детей. Я ещё в себе не разобралась до конца. Я их люблю. Мне нравится за ними наблюдать. Я очень хочу когда-нибудь стать матерью. Но не уверена, что хочу для этого рожать. В этом вопросе я вообще очень мало про себя знаю. Знаю только одно: что для стакана воды в старости мне ребёнок точно не нужен. Рожать впрок, заполняя пустоту внутри, я не буду. «Ребёнок потому что НАДО» тоже не про меня. Но зачатки материнских искренних чувств я увидела в себе совсем недавно. Соня. Кто бы сказал, что чужой ребёнок всколыхнет в моём сердце столько чувств? И у меня нет ни малейшей ревности, когда Валера мчится к своей дочери по первому её звонку. Я бы всё отдала, чтоб тоже иногда её видеть. Быть в кругу детской искренности и открытости. Именно она подарила мне надежду стать матерью в любом возрасте и с неродным ребёнком. После знакомства с ней я теперь точно знаю, что материнство есть в моей душе. А значит, дети у меня будут.

Наливаю третью кружку кофе, набрасываю шубу на пижаму и выхожу на крыльцо. Сколько всего пережито на этом месте... Если искать в доме место силы, то оно именно здесь.

Яркое морозное солнце светит сквозь зелёные сосны. Стеклянная гладь озера отражается в небольших глянцевых сугробах. Так и хочется прокатиться по нему на коньках. Снега почти нет, но всё приморозило ледяной коркой. Если приглядеться, то можно увидеть зелёную траву под крыльцом. Или на клумбе. Старая яблоня стоит в ледяном саркофаге и блестит на солнце. Одним словом, мороз и солнце, день чудесный...

Что же ему подарить? Размышления на эту тему тесно переплетаются с окружающей красотой. Я какое-то время размышляю, а потом решение само приходит ко мне. Я нарисую ему картину. Эта мысль молнией пронзает моё сознание. Я вскакиваю и отхожу к озеру, чтоб взглянуть на дом издалека. Встаю на мостки и поражаюсь красоте, открывшейся взору. Точно, я нарисую ему этот дом, наш дом. Я нарисую ему нашу историю.

Кофе сначала остывает на скамейке, а потом успевает покрыться тонким слоем льда. Я беру из дома карандаши и альбом и начинаю делать зарисовки. Мне хочется уместить в плоский лист все те чувства, которые переполняют меня. Как же я его люблю сейчас. Как благодарна, что он открыл для меня эту новую жизнь. Каждый день в кайф. Без беготни и тревоги. Господи, продли эти мгновения максимально долго.

Я прихожу в себя, когда совсем замерзаю. Пальцы больше не чувствуют карандаш. Сколько часов на морозе я рисовала? Я хочу согреться, а потом продолжить. У меня в руках семь набросков. Этого достаточно, чтоб потом нарисовать одну картину. Я иду к дому и замечаю у калитки какое-то движение. Кто-то ли скулит. Или воет? Лишь подойдя к крыльцу, я вижу, что между досок забора, у самой калитки, застряло какое-то животное. Рыже-черный комок извивается и пытается выбраться. Кладу рисунки на скамейку к замерзшему кофе и иду смотреть, что же там происходит.

Это щенок. Я помогаю ему высвободиться из плена забора, и он тут же оказывается у меня на руках. Как так? Я держу этот мокрый холодный комок, кутаю в свою шубу и несусь в дом. Розовый тёплый язык лижет мою руку, а чёрный холодный нос так и норовит залезть в подмышку. Ровно минута, пока я несла его в дом, понадобилась этому малышу, чтоб почувствовать себя хозяином моих рук.

Только вместе с шубой я смогла его уложить на пол. Он зарылся в длинный ворс песка и продолжал скулить.

– Откуда ты такой тут появился и где твоя мама? Ты же ещё слишком маленький для самостоятельной жизни? – разговариваю я с псом, пока пытаюсь найти в холодильнике молоко. – Ты голодный? Конечно, голодный, что за глупый вопрос. Что же тебе дать?

Молока нет, в общем-то, как обычно. В моём холодильнике вообще мало чего есть: банка оливок, несколько яиц, два яблока и мамины контейнеры с котлетами и оливье. В очередной раз даю себе зарок больше внимания уделять домашнему хозяйству. Зато у меня есть растительное кокосовое молоко, не уверена, что собаки его пьют, но решаю попробовать и наливаю в блюдце, разбавив теплой водой. Для котлеты ты еще слишком мал.

Я так привыкла, что Валера всегда сам приходит с едой, что почти совсем не хожу в магазин. Где же он? Вот он бы точно знал, что делать с этим несчастным комком. Пёс встает и нехотя начинает лакать белую жижу. А я беру телефон и начинаю напечатывать Валере длинное сообщение про найденного мной щенка с вопросом, что делать. Шлю фото подтверждение и краем глаза замечаю, что щенок ещё и хромот на переднюю лапу.

Попив нехотя молока, щенок начинает ходить по комнате. Скулит, обнюхивает углы и выглядит максимально несчастным псом. Его хромота и хужоба разрывают мне сердце. И я одеаюсь, чтоб вести его в ветеринарную клинику. Я же понимаю, что не смогу выкинуть на улицу эту кроху. Вылечу, накормлю и пристрою в хорошие руки. Решено. Собака сейчас мне совсем не нужна.

Я на улице, в руках замотанный в мою шубу пёс. Я одной рукой пытаюсь закрыть дом и застегнуть пуховик, чтоб поваливший с неба снег не попадал на пижаму. Только так я смогла его упаковать и успокоить. Плед ему не понравился – он скулил и вырывался, когда я его укутала и пыталась выйти на улицу. А сейчас он зарылся мордочкой в белый ворс и даже перестал издавать эти разрывающие душу звуки. Я ищу в кармане ключи от машины и даже не представляю, как буду рулить с ним на руках. О том, чтобы выпустить щенка из рук, даже речи не идёт.

Визг тормозов у калитки. И вот так, эффектно с разворотом, появляется мой любимый и такой родной человек. Вижу, как он подъезжает к калитке на своем

огромном черном внедорожнике и кричит мне в раскрытое окно:

– Залезай. Ты что, думала, я не приеду? Кто ж не мечтает спасти приبلудного пса субботним вечером?

Я не мечтала, он сам пришел.

– Привет, – говорю я, садясь в машину. – Я нашла ближайшую ветеринарку, позвонила и записалась. Сейчас забью маршрут в навигатор.

– А ты во что-то попроще не могла собаку завернуть?

– Да я пыталась, но ему полюбилась моя шуба. Я в ней его спасала из-под забора.

– У него губа не дура. Песца ему, значит, подавай для спокойствия.

К слову, этой шубе уже почти десять лет. Её давно пора списать. Но я до сих пор её обожаю. Она из той прошлой жизни, когда я была счастлива, молода и беспечна. Мой тогдашний муж только встал на ноги и стал зарабатывать первые большие деньги. У нас не было детей, ипотеки да и вообще проблем. Мы любили друг друга, и жизнь представлялась в радужном цвете. Он купил мне этого песца в Греции. За какие-то космические деньги для меня по тем временам. Короткая, белая и как-то по-хитрому стриженная прелесть. Это первая моя такая дорогая вещь. И дорога она для меня сейчас скорее как память, а не как вещь. Потом у меня появилось ещё две шубы, значительно дороже и более стильные. Если пришло время отдать эту собаке, то почему бы и нет. Она изрядно потертая изнутри и на рукавах. И не по возрасту мне. А мех уже не такой белый, а под мышками есть проплешины. А ещё, чтоб приходило новое, старое стоит отпустить. Ну, и, если быть честной, мне гораздо удобнее ходить в пуховике. Шуба требует соответствующей обуви и одежды, а я люблю мягкие спортивные костюмы. В них удобно, а ещё и плюс пять килограммов не заметны.

Мы мчим по заснеженному вечернему шоссе. За окном мелькают желтые фонари сквозь плотный снегопад. Чёрные внимательные глаза смотрят на меня из белого мохнатого кулька. Потом розовый язык падает из крохотной пасти с одной стороны, и он как будто улыбается. Милота. Не смотри на меня так, я всё равно тебя не оставляю.

– Он пытается меня очаровать, – говорю я Валере.

– У него это уже получилось.

– Ну нет. Я сейчас его вылечу и в интернете попытаюсь пристроить.

– Как знаешь. Но если что, я не против. Готов ему будку сколотить во дворе. Или это сука?

– Да кто ж его знает? Меньше всего я думала, какого пола животное застряло у нас в заборе.

На въезде в город Валера съезжает во дворы и начинает плутать между однотипных многоэтажек. Милая девушка на ресепшене встречает нас в белоснежном одеянии:

– Давайте сюда щеночка. Не разворачивайте, мы постараемся не испачкать вашу шубку. Но если он испуган, не нужно его лишать единственной родной вещи. Как его зовут? – Говорит девушка и забирает из моих рук пса, замотанного в шубу. – Ути какой хорошенький. Не бойся, малыш, сейчас мы тебя вылечим. Так как его зовут?

– Да у него ещё нет имени, я только наша его у себя в заборе.

– Нужно придумать, я должна его оформить.

Я зависаю на мгновение и начинаю перебирать в памяти все известные мне собачьи клички. Шарик? Бобик? Полкан?

– Песец. Напишите, что его зовут Песец, – слышу я, как Валера говорит девушке.

– Какой Песец? Это не кличка, а фигня какая-то, – возмущаюсь я.

– Слушай, ты всё равно его отдать хочешь. Хозяева придумают ему нормальную кличку. А для того, чтоб оформить его в больничке, Песец вполне подходит. Да и посмотри на него – вылитый песец.

Я не знаю, то ли смеяться, то ли плакать. Он действительно похож не на щенка, а на песца. Из продолговатого белого кулька шубы торчит только чёрный нос. Рукав сзади очень похож на хвост. Ну ей-богу, песец, одним словом. Как Валера это заметил?

Я начинаю хохотать, и тогда щенок исполняет своё первое «гав». Точнее, жалкое «тяфф», но для меня это был первый радостный звук за три часа знакомства.

– А фамилия? Мы регистрируем животных по кличкам и фамилиям владельцев.

– Зотов. Песец Зотов, – Валера максимально серьёзным голосом говорит администратору. И ставит несколько подписей на бумагах, мгновенно появившихся на столе.

– Звучит, – говорю я и давлюсь со смеха.

– Ожидайте в зоне отдыха. Врач его осмотрит и выйдет к вам, – говорит девушка и скрывается за белой дверью.

– Может, мне пойти с ним, – кричу я вслед закрывающейся двери.

– Пошли кофе попьем. Все с ним будет хорошо.

Два американо в бумажных стаканах. Мы сидим на пластиковых стульях вдоль стены. Волнения нет. Я уверена, что с псом всё будет хорошо. Мы молчим. Я думаю, какой же странный сегодня день. Впрочем, как и весь последний год. Со мной за последние десять лет произошло меньше, чем за неполный две тысячи семнадцатый.

– Как Соня? – спрашиваю я.

– Да не особо. Температура, сопли, кашель. Все как обычно. Мать вернется завтра, я сегодня тоже переночую с ней. Дома Нина Павловна, но я не хочу, чтоб она чувствовала себя брошенным родителями ребёнком.

– Конечно. Я понимаю.

– А как твой день? Прости, что вчера так с твоей мамой получилось. Я правда уже ехал, но тут мне позвонила Соня и я поехал к ней. Давай твоих родителей к нам в гости позовём?

– Мама в бешенстве. Она всех родственников собирала, чтоб продемонстрировать тебя. Что её дочь не неудачница-разведенка в тридцать пять лет. А тут на тебе, презентация не получилась.

– Мне жаль.

– Да не бери в голову. Её сегодня порвало. Она позвонила и выдала всё то, что полгода копила. Если кратко, то я содержанка бесхребетная, а ты меня поматросишь и бросишь. И опять я у корыта разбитого одна останусь. Ну и только падшие женщины без принципов и этических норм спят с женатыми.

– Ты расстроилась?

– Есть немного.

– Как её уговорить?

– Это невозможно.

– А папа?

– А папа счастлив. У него свое видение мира, а меня он безусловно любит. Даже бесхребетную содержанку.

– Давай позовем их в гости, и я попробую очаровать твоих родителей.

– Маму очарует только новый штамп в моем паспорте и внук на подходе. А ты можешь быть хоть Дракулой, только лишь бы законным. Она свято верит, что раз ты не разведен до сих пор, то и не собираешься. А время, когда я могу родить, кончается.

– А ты что думаешь?

– Мне очень дорога наша жизнь. Я люблю тебя и знаю, что и ты меня любишь. Сейчас мне этого более чем достаточно. И я тебе верю, ты ж сказал, что разводишься, значит, это вопрос времени, и ты его решишь. Ты вообще такой мужчина, который все вопросы решает. Только не быстро.

– Ты моя умница. Спасибо за доверие, я его оправдаю. С мамой что-нибудь придумаем, – говорит Валера и притягивает меня к себе. Крепко обнимает и очень неприлично начинает меня целовать.

– Э... Чей Песец? – это говорит, вышедший молоденький доктор в очках.

– Наш! – хором говорим мы и вскакиваем со стульев.

– Мы сделали ему рентген и наложили гипс на лапу. Он немного истощен, но в целом отлично себя чувствует. Еще мы поставили ему капельницу с витаминами и вкололи антибиотик. Через полчаса можете его забрать.

– Спасибо, доктор. А что ещё с ним нужно делать?

– Да ничего особенного. Через неделю можно снять повязку самим. Список витаминов я напишу в рекомендациях. Кормите его кормом для щенков, прививку можно сделать не раньше, чем через месяц. Перед этим дать глистогонное, – отвечает доктор и уходит.

Домой мы едем молча. Песец в песце спит, похрапывая у меня на руках. Только загипсованная лапа свешивается с одного края. Два мешка корма, лежанка, игрушки, миски и витамины. Быстро он оброс вещами, я оглянуться не успела. Буду отдавать парня с приданым. И да, это мальчик. Валера отвозит нас домой, помогает выгрузить все вещи, а потом уезжает обратно к Соне.

Я пытаюсь соорудить псу лежанку у печки, но он категорически не согласен слезать с моих рук, и я забираю его к себе в кровать на второй этаж. Так же, на шубе, он засыпает у меня в ногах. А я в той же самой пижаме забираюсь под одеяло. Я так её и не передела за целый день. В этот момент я вспоминаю, что бросила свои рисунки на крыльце, и бегу посмотреть, не испорчены, ли они.

Припорошенные снегом, они лежат там, где я их оставила. Стряхиваю снег и заносу их в дом. Завтра начну рисовать настоящую картину. До дня рождения почти две недели, я точно успею. Счастливая и довольная, я засыпаю.

Глава 3

Я просыпаюсь, оттого что пёс лижет моё лицо. Мой нос уже блестит от его слюней, а на подушке образовалось мокрое пятно. Я открываю глаза и тут же получаю языком в глаз. Мы с ним оба под одеялом. Видимо, ночью он переполз ко мне. Мягкое щенячье пузико щекочет мне грудь. Очень непривычно просыпаться с собакой под одним одеялом. Я слышу грохот внизу, так всегда появляется Валера. У него всё падает, телефон звенит, а он громко ругается. Он очень большой и громкий. Слышимость в этом доме хорошая, и я по звукам могу определить, всё, что происходит внизу. Вот он включает чайник, хлопающий стук дверки холодильника, – видимо, он пытается что-то найти поесть. А потом звук отодвигающегося стула по полу. И тишина.

Мне очень не хочется вставать с кровати. Облизанный нос замерз мгновенно, и я грею его руками под одеялом. Псу надоело лежать, и он теперь ползает по одеялу и жалобно скулит. Видимо, он хочет есть, или пить, или писать. Я пока не разбираюсь в его потребностях, но что-то из этого.

Нехотя сажусь на кровати и ищу ногами на полу свои мохнатые тапки. Одеваю их и со щенком под мышкой спускаюсь на первый этаж. Там Валера уже устроил бурную деятельность по приготовлению завтрака.

– Привет, – говорю я и иду его целовать. – М-м-м... Как вкусно пахнет.

– Ты чего так рано встала, я слишком громко шумел?

– Это не ты, это пёс. Он выспался и разбудил меня. Проголодался, – я это понимаю, глядя, как он с жадностью стал поедать корм.

Воскресное утро. Милые семейные будни, как же я их люблю.

– Вари кофе, я поделюсь с тобой яичницей.

– А где ты нашел яйца?

– С собой принёс, – говорит Валера и начинает хохотать. Ему нравится случившийся каламбур. – Что ты за женщина такая, если я таскаю еду из холодильника бывшей жены. Знал, что дома ничего нет, а жрать хотел зверски.

Смешанные чувства я ловлю у себя в сердце. Мне в очередной раз стыдно за свою бесхозяйственность. Но при этом очень корбит это его свойское отношение к тому дому. К дому бывшей жены. И, честно говоря, я хоть и понимаю, что Валера до сих пор считает его своим, но мне это нравится. Потому что сначала заработал на него, а потом ещё и построил. А ещё там живет его ребёнок.

– Какая есть, – огрызаюсь я. – Так-то там Зоя за хозяйством следит, и на твои деньги, между прочим. Можно сказать, ты взял яйца из своего второго холодильника, – это я вяло пытаюсь притянуть за уши эту двусмысленную ситуацию.

– Чувствую подвох в твоих словах. Ты недовольна? Ты тоже хочешь помощницу по хозяйству? – говорит Валера, и шипящая сковородка висит у него в руках.

– Всё нормально. Просто это как-то неправильно. Есть в доме бывшей жены, спать там, а ещё и с собой еду забирать, – кажется, это я зря сказала, понимаю я слишком поздно.

– Слушай, давай ты просто начнешь готовить или покупать продукты, и я перестану там есть. А насчёт спать – это происходит, только если Катя уезжает. Ты и сама знаешь почему. Я не хочу, чтоб моя дочь чувствовала себя брошенной, когда родители где-то там. А вот я не понимаю, с чего это я начал перед тобой оправдываться? Я в чем-то перед тобой провинился? Давай ты прямо скажешь мне свои претензии и мы их обсудим. Я просто не в состоянии сейчас догадываться.

– Прости, нет претензий. Ты идеальный.

– Опять чувствую, что есть подвох. Обычно после таких слов следует вздох и многозначительное «но»...

– Нет никакого «но». Зря я это сказала. Это всё мама вчера со своими речами.

– Но тебя вчера всё устраивало. Что не так сегодня?

– Сегодня меня тоже всё устраивает, что ты ко мне прицепился. Я извинилась. Дурацкий разговор, давай его закончим. Вот кофе. Делись яйцами.

Мое настроение было испорчено, и я всячески пыталась остановиться. Если мы сейчас продолжим выяснять, кто больше неправ в вопросе с яйцами, то поругаемся. Это я знала совершенно точно. Потому что моя фантазия уже рисовала картинки их совместного завтрака на огромной кухне их некогда идеального дома. Ревность к его семье ядом потекла по венам. Мне нечего было предъявить Валере, кроме моей зависти к его большой семье. К тому, что он даже после развода останется любимым папочкой.

Если так задуматься, то именно этим утром я приблизилась к пониманию того, что мама имеет в виду, говоря, что у него есть Я и есть СЕМЬЯ. И это две разные ценности. Но понимание этого пришло ко мне значительно позже, а сейчас я очень хотела сменить тему и не углубляться в говнотёрки. И в этом мне помог пёс. Краем глаза я заметила, что он собрался навалить кучу рядом с дверью.

Изрядно поев, он ходил по дому и всё обнюхивал. Утолив голод, он почувствовал необходимость в удовлетворении другой нужды.

– Нет, нет, нет. Подожди! Здесь нельзя какать! – я вскакиваю из-за стола, хватаю пса и бегу с ним на улицу. Но не успеваю и уже в коридоре чувствую, как мне на ногу падает оно. Опускаю пса на снег, но уже поздно, свои дела он сделал на мои тапки. И радостно стал прыгать по свежему пушистому снегу.

– Что за утро, – снимаю тапки и со злостью кидаю их в сугроб у крыльца, а сама босиком возвращаюсь в дом. – Сейчас выпью кофе и пойду на просторы интернета пристраивать пса.

– Как скоро ты на расправу. Дай парню шанс. Ты же всегда мечтала о собаке, и вот тебе – знак судьбы, – это довольный Валера с набитым едой ртом, хохочет.

– Я не готова к какашкам. Я знаю себя – мгновенно к нему привяжусь, если сразу не отдам. Он милый и прикольный. Я глазом не успею моргнуть, а пёс уже меня воспитывает, а не я его. Надо быстро его пристроить в хорошие руки.

– Давай садись за стол. Выпей свой кофе, и утро станет не таким ужасным.

– Почему ты защищаешь это мохнатого засранца? Ты же понимаешь, что это только начало? Он будет всё грызть. Портить наши вещи. Им нужно заниматься, а я собираюсь выйти на работу.

– Ты уже полгода собираешься и непонятно, когда выйдешь. Может, ты до лета учиться будешь. А щенок быстро вырастет и поумнеет. Видно же, что это отличный пёс. Сторожевой. А я люблю собак.

– А если мы уехать захотим?

– Придумаем что-нибудь.

– Не уговаривай меня. Я сначала захочу собаку, а потом её заведу, когда буду готова. А не наоборот. Нарисовался на мою голову комок проблем.

Я продолжаю рассуждать, как щенок не вовремя появился, а Валера заканчивает есть и выходит на улицу. И через минуту я вижу, как он бежит и играет с псом по снежной глади. Что делать? И я тоже выхожу на улицу.

Я сажусь на ступеньку крыльца и наблюдаю за снежной вакханалией. А потом иду принимать в ней участие.

* * *

– Пошли в кино? – предлагает Валера уже вечером. – Заодно поужинаем в новом ресторане. Я на прошлой неделе обедал там с Борькой. Тебе понравится.

Мы валяемся на кровати. И мне очень не хочется никуда идти. Но это мое обычное состояние. А вот Валера не такой. Ему нужен движняк. Он уже и со щенком погулял и поиграл. Новости всё изучил. И даже прикрутил болтающуюся ручку у шкафчика на кухне. Пока я готовила обед, он переделал все возможные дела и сейчас изнывал от тоски. Ну не его это – дома зависать. Точнее, залегать.

– Пошли... Только чур фильм выбираю я, – соглашаюсь я и сползаю с кровати. Нехотя стягиваю любимую пижаму и заглядываю в недра шкафа в поисках, что бы надеть. – А как мы щенка оставим без надзора?

– Вот и проверим, как он одиночество переносит. Мы ж не на два дня уезжаем, а на три часа.

Шкаф увешан одеждой Валеры. Костюмы и рубашки заполонили собой всё пространство узкого шкафа. Мои наряды скромной кучкой прибиты к стенке. Весь мой богатый гардероб из прошлой жизни у мамы в кладовке. Я запаковала свои дизайнерские платья, модные брендовые шмотки, обе шубы и двадцать пар туфель на высоком каблуке и без сожаления отправила их на склад. Сердце мамы такого варварства не выдержало, и она забрала одежду и обувь домой. В надежде, что я одумаюсь и опять начну ходить в «приличном» виде. Но, видимо, это возраст, и я больше не хочу ходить на девятисантиметровых шпильках. Кеды и кроссы – мои сегодняшние друзья.

Агрессивная напускная сексуальность уступила место кэжуалу[1 - Кэ?жуал (англ. Casual) – стиль одежды для повседневного использования, главными чертами которого являются удобство и практичность.]. И мне так комфортно и удобно. Тем более то, что я так усердно следила за собой, одевалась с иголки, не уберегло меня от измены мужа. Он всё равно ушел от меня, и не к более ухоженной и красивой, а к той, которую полюбил. Поэтому сейчас у меня отторжение напускной красоты. Максимум естественности. Мне важно, чтоб Валера любил меня такой, и я гипертрофированно небрежно отношусь к своему внешнему виду. Я больше так не хочу – ты стараешься, делаешь с собой максимум больных и дорогих манипуляций красоты, а потом он уходит к женщине с волосатыми ногами. А у тебя десять сеансов лазерной эпиляции всего тела, включая труднодоступные места, потому что, видите ли, чёрный волос на попе ему не нравится.

У меня психотравма брошенки от первого мужа, и Валера за неё огребает. Но у нас разница в возрасте двадцать лет, так что я для него максимально молодая и

красивая даже в пижаме. И надо сказать, что бывшая жена Валеры – эталон. Я видела её фотографии в большом доме, когда работала там. Соревноваться в красоте, стиле и совершенстве с такой – я проиграю даже в свои тридцать пять против её пятидесяти пяти. Но насмешка жизни такова, что мой бывший муж бросил меня, а Валера меня любит. Но я не очень разбираюсь, что в голове у мужчин. Что ими руководит по жизни и почему они меняют одну женщину на другую, для меня загадка.

С этими мыслями я достаю одно из немногих своих платьев, кажется, в нём я ещё с Валерой никуда не ходила. Беру его и иду в ванную краситься. Сегодня я буду красоткой. Сыграю на контрасте.

Прямоугольное зеркало в массивной деревянной раме я сделала сама. С помощью лобзика, шкурки и суперклея. Сейчас оно висит над раковинной в ванне и я изучаю в нём своё отражение. Через несколько месяцев мне тридцать шесть. Едва заметная сеточка морщин вокруг глаз как следствие прогулов визита к косметологу. Чуть больше, чем нужно, отросшие корни волос – пора к парикмахеру. Ногти обрезаны максимально коротко и поражают своим здоровым цветом – долгое отсутствие гель-лака пошло им на пользу. Но это совсем не портит общую картину, потому что я сияю. Даже не накрашенная и без причёски я нравлюсь себе. У меня взгляд влюбленной и любимой женщины. Счастье скрашивает моё небрежное отношение к уходу, но я понимаю, что скоро эту игру стоит прекращать. Пора брать себя в руки и выходить из своего кокона. Но счастье любит тишину, и этим я оправдываю своё добровольное заточение в старом доме.

Вот и начну сегодня с похода в кино. Душ, фен, косметичка. И через сорок пять минут я готова. Подмигиваю сама себе в зеркале и выхожу.

– Ты просто невероятно красивая! – таким возгласом меня встречает Валера. – Почему ты так редко красишься? И это платье просто бомба, почему ты его никогда не надевала?

– Спасибо дорогой, приглашай меня чаще в ресторан и узнаешь про меня много нового, – мне приятно. Я вижу восхищение и восторг у него во взгляде.

– Так я приглашаю, ты сама редко соглашаешься.

– С каких это пор мои отказы тебя останавливают? – с хохотом кружусь я по комнате.

Осматриваю критическим взглядом белый полушубок – к сожалению, констатирую тот факт, что он теперь только для собаки. Беру пальто и выхожу на улицу. Валера в сером костюме чистит свои лакированные туфли с металлической каёмкой по краю. Белый шарф сверху на коричневом кашемировом пальто меня веселит и отдает девяностыми. Лысая макушка, широкий лоб и сломанный в двух местах нос – он очень похож на киношных бандитов того времени. А вдвоём мы с ним похожи на бандита и его тёлочку, собравшихся на раут во всем самом дорогом.

Щенка мы оставляем в коридоре. У него есть миска, лежанка и палка. Валера сказал, что если есть осиновая палка, то он не будет грызть мебель. Будет грызть её. Посмотрим. Меня больше волнуют какашки, а мебель не очень.

Машина с водителем везёт нас в центр. Яркая подсветка ночного города поражает своей красотой. Я ещё не видела, как украсили Невский проспект к Новому году. Он великолепен, в общем, как и весь Петербург. Ощущение праздника витает в воздухе и заставляет поверить, что новогодняя сказка творится здесь и сейчас.

Я всем сердцем люблю свой родной город. Я родилась и выросла в самом его центре – на Гончарной улице. Это сейчас на каждой подворотне решётка с кодовым замком, а в годы моего детства мы бегали насквозь от Московского вокзала до Невского проспекта. Одна моя часть любит загородную жизнь с её простором, природой и тишиной, а вторая стремится вернуться обратно в тесноту узких улиц.

Машина останавливается около кинотеатра «Художественный», и мы поднимаемся к кассам по мраморной лестнице. Отличный русский фильм нравится нам обоим. Я уже и не помню, когда так хохотала. Сначала я смотрела, что идёт в Доме кино, но там, как назло, дни старого американского кино. Ну не сегодня настроение для «Завтрака у Тиффани», хоть я его и люблю. Хотелось чего-то проще и веселее.

Выйдя из кинотеатра в приподнятом настроении, мы пошли пешком в сторону улицы Рубинштейна. Хотелось прогуляться перед ужином. Мелкий сухой снежок

падал неспешно. Без ветра и излишней питерской влажности мороз почти не чувствуется. Витрины магазинов сверкали нарядным оформлением, а ажурные гирлянды на каждом столбе создавали атмосферу всеобщего веселья. Бесконечное количество людей вокруг – и каждый спешит по своему делу. Я отвыкла от такого множества лиц.

Двадцать минут неспешным шагом, и мы в новом модном месте. У нас забронирован столик. Даже несмотря на совсем не демократичные цены, вечером без записи сюда не попасть. Круглый стол накрыт белоснежной скатертью и сервирован на двоих.

– Нам, пожалуйста, сразу бутылку Новой Зеландии, пока мы выбираем еду, – говорит Валера подошедшему официанту. – Или ты хочешь шампанское?

– Давай шампанское! Настроение всеобщего веселья передалось и мне.

Валера со свойственной ему энергичностью и быстротой выбирает подходящее шампанское, а потом и еду. Очень быстро на нашем столе оказываются тарелки со всеми закусками и ведёрко со льдом, из которого официант тут же извлекает тёмно-зелёную тяжёлую бутылку. Хлопок, и пенящаяся жидкость струится по стенке хрустального бокала.

– За нас!

Звон бокалов.

– Привет, какая неожиданная встреча! Валерка, сколько лет, сколько зим! – это говорит проходящий мимо незнакомый мужчина, едва поравнявшись с нашим столиком.

Валера, увидев его, резко вскакивает и с радостным возгласом тянет правую руку для приветствия. И пока они обмениваются всеми положенными для такого случая словами и ритуалами, я успеваю окинуть взглядом этого мужчину. И его даму.

– Серега! Лариса! Привет! Сколько ж мы не виделись? Как дела?

– Да всё отлично. Внук вот родился месяц назад. Я теперь дед! Лиза замуж два года назад вышла, хотя что я тебе говорю, ты ж на свадьбе был. Вот, родила. Не без проблем, конечно, ей же уже тридцать два. Но сейчас всё замечательно. Ты не представляешь, как мы с Ларочкой в новой роли себя отлично чувствуем. Это ж не ребёнок, которого воспитывать надо, а для радости.

– Да, наш свежее испеченный дед с ума сошёл. Весь торговый центр скупил. Ребёнок только родился, а игрушки в детскую не помещаются. Давно вы к нам в гости не приезжали. Мы в прошлом году твой день рождения пропустили, но в этом точно будет грандиозный праздник? У тебя же тоже юбилей? Так что ждем приглашения! – это вкрадчивым голосом говорит незнакомая мне дама.

– У нас тоже внук на подходе. К Новому году тоже дедом стану.

– А это чей?

– Мишкин. Он в Германии с девушкой познакомился, и вот. Быстро у них всё получилось. Я её только по скайпу видел. Милая такая, тоже программист, как и мой оболтус.

– Не приедут, значит, папку поздравлять? Раз рожать.

– Нет, если только я к ним слетаю, на внука посмотреть.

– А как крестница? Замуж не вышла ещё? – спрашивает Сергей, а сам украдкой поглядывает на меня. Его жена демонстративно повернулась ко мне спиной и отгородила мужа от меня.

– Свадьба мимо тебя не пройдёт. Она вся в учёбе, сидит в своем Лондоне безвылазно, ей не до отношений. Знаешь, у молодых сейчас рано замуж выходить не модно. Им карьеру подавай.

Эта беседа давно знакомых между собой людей так же стремительно заканчивается, как и началась. Обнявшись на прощание и договорившись встретиться, Сергей и Лариса уходят в конец зала и садятся за столик. А мне становится не по себе. Я не сразу понимаю почему.

– Это мой старый друг, сосед. Мы по молодости жили на одной лестничной клетке, потом переехали, но общаться продолжали. Дружили семьями. Его дети выросли у меня на глазах. Он крестный моей дочери. Старшей. Светы.

– Почему ты нас не познакомил?

Пауза повисает в воздухе после моего вопроса.

– Они не знают, что мы с Катей разводимся. Никто не знает. Я не сообразил быстро, как тебя представить, чтоб избежать разговоров.

– Почему ты это скрываешь? И каких разговоров боишься?

– Извини, если я своими действиями тебя обидел, я не хотел. Ты не поймешь.

– Так ты постарайся объяснить, я очень хочу понять, почему ты скрываешь от друзей свой развод?

– Потому что общество, в котором мы живем, – одна большая деревня и слухи расползутся очень быстро. Тут все друг друга знают. Узнают они, узнают их дети. И через десять минут мне раздастся звонок от дочери с вопросом: «Я чего-то не знаю?».

– А старшие дети не знают, что ты год с их матерью не живешь? У тебя сыну тридцать, а дочери двадцать семь. У тебя взрослые дети, и они всё поймут, они ж не маленькие. И как тебе вообще удастся скрывать от них отдельную жизнь?

– Ты не понимаешь, дети всегда дети! И наш развод их расстроит. Я им всю жизнь рассказывал про ценность семьи, что это самое важное в жизни. А тут развод. Я, значит, подвёл их. И я, конечно же, скажу им. Точнее, мы скажем, при встрече. Дети приедут в конце декабря, и тогда скрывать дальше не получится. А пока они так далеко, это не сложно. Все ж они сосредоточены на своей жизни и их волнуют они сами больше всего.

– И они не знают, что у тебя есть я?

– Нет.

Осознать эту информацию было непросто. До меня дошло, что за эти полгода нашей с ним совместной жизни я не видела ни одного его друга. Мне не особо было интересно, я сосредоточилась на нашей внутренней жизни. На нашем микромире. И даже не догадывалась, что во внешнем мире всё непросто. Я не знала его коллег. И если так подумать, даже не скажу названия его фирмы. Какая же я всё-таки тупица. Мама говорит, я растворилась в новом мужике, а на самом деле я ушла с головой в свои фантазии, а Валера мне не мешает в них пребывать.

– Я понимаю, как это выглядит со стороны. Но всё не так. Я обязательно всем расскажу. Ты должна понять, я не хочу никого пускать в нашу с тобой жизнь. Ты не представляешь, как люди жестоки. Я дорожу тем, что у нас есть. Я люблю тебя и собираюсь прожить с тобой всю свою жизнь. Дай мне время перестроить мой мир под тебя. Под нас.

– На дворе двадцать первый век. А ты ведешь себя, как будто развод – это что-то заповедное.

– Мои старшие дети никогда тебя не примут. Они любят мать. Я не хочу с ними ругаться, но я знаю, сколько будет вопросов. Я оттягивал, сколько мог, понимаю, что скоро разговор случится. Не самый приятный для меня разговор.

– Что значит, не примут? А как они меня должны принять? Это вообще не их дело. У нас с твоим сыном пять лет разницы в возрасте. Я понимаю, как это выглядит для них. Но мне кажется абсурдом год скрывать, что вы разводитесь. И, кстати, не из-за меня. Я к вашему разводу никакого отношения не имею.

– Оля, успокойся, ну что ты начинаешь? Чего тебе не хватает? Семейной драмы? Признания? Мне казалось, что мы счастливы. Я делаю всё, что ты просишь. Почему тебе важно, знают ли мои дети про тебя?

– Я только сейчас поняла, что не знаю ни одного твоего друга.

– Так тебя саму не интересовало ничего, что выходило за границы садового участка. Ты из дому со мной за это время вышла раз десять. Мне что, тусовку собирать в этом доме? Да меня на смех подымут, если узнают, в каких условиях я живу.

– Что же это за друзья такие, если им так важны твои бытовые условия?

– Оля, ты правда не понимаешь? Твоя любовь к старой развалюхе – это нормально? Ты вообще понимаешь, кто я? У меня бизнес с миллиардным оборотом. Госзаказы. Два завода. Я в Москву каждую неделю летаю, как думаешь зачем? Я уже десять лет как шагнул в крупный бизнес. На меня работают больше десяти тысяч человек. А мои коллеги – люди очень высокого уровня. А друзья тоже не последние люди в городе. Я играю в эту твою игру «Рай в шалаше» ради тебя. Тебе дорого это место – хорошо, будет по-твоему. Я всю жизнь работал, чтоб так не жить, но раз у тебя другое мнение на этот счёт, я это уважаю. Меня даже забавляет твое отношение к деньгам. Никогда не видел не меркантильных женщин. За это и полюбил тебя. Замотать в белую шубу грязного щенка – это твой стиль. Спасать людей и животных – как без этого прожить. Ты настолько честная, прямая и настоящая, что не сможешь понять всех тонкостей взаимоотношений в моем кругу.

– Ты меня стыдишься? Я недостаточно лакшери для тебя? – обида переполняет меня, и мне хочется бить тарелки и плакать. О чём он говорит?

– Я тебя люблю. Очень люблю. Но ты совершенно не представляешь, в каком мире я живу.

– Я думала, что знаю.

– Ты летаешь в облаках. Мне нравится, что в тебе нет изворотливости, лицемерия и лжи. И что ты немного отъехавшая. Но, прошу тебя, постарайся понять и меня.

– Отъехавшая? Я? Да иди ты к чёрту! – я вскакиваю из-за стола и при этом рукой задеваю бокал с шампанским. Он падает и разбивается.

– Сядь, пожалуйста, давай нормально договорим. Почему ты завелась?

Подходит официант с новым бокалом, а уборщица пытается собрать осколки у меня из-под ног. А я в замешательстве – с одной стороны хочется сбежать отсюда, а с другой я понимаю, что с Валерой так нельзя. Но у меня столько злости на него, что я не знаю, как не перейти на оскорбления. Как не запустить в его улыбающееся лицо новый бокал. Я отъехавшая? Доля правды есть в его

словах, и от этого мне ещё обиднее.

Залпом выпиваю бокал шампанского и ухожу в туалет.

– Очень тебя прошу, не сбегай через окно туалета в платье, на улице мороз, а гардероб в другом конце зала, – слышу слова Валеры, обращенные мне вслед.

Я захожу в туалет и делаю то, что привыкла делать в сложных жизненных ситуациях, – звоню подруге.

– Але, Машка, я неадекватная? Отъехавшая? Летаю по жизни в облаках?

– Ну да, с тобой такое бывает. А в чём, собственно, вопрос?

– Валера меня такой назвал. Он сказал, что ему стыдно друзей звать к нам в дом, там могу жить только я. А он терпит ради меня. А ещё он не сказал старшим детям, что разводится. А когда мы сегодня встретили его старых друзей, он им меня не представил.

– Стоп, мать. Давай по порядку. Ты вообще где?

– В туалете. В ресторане. Мне нужен совет, что делать?

– А какие варианты? – сонным голосом растягивает Машка. Зевает, и я слышу на заднем фоне голос её мужа Олега: «Скажи ей, что она неадекват. Нельзя людям с маленькими детьми звонить после одиннадцати. Они могут спать».

– Прости, ты спишь? Я очень извиняюсь, но мне без тебя никак.

– Всё нормально, сейчас выйду на кухню, ты пока рассказывай, – слышу, как Машка кряхтит, встает и что-то бубнит Олегу.

– Да, что рассказывать, я в истерике. Мне так обидно.

– От чего тебе обидно?

– Что он называет наш дом жизнью «Рай в шалаше».

– То есть из всех сегодняшних событий главное, что тебя волнует, что он не разделяет твоей любви к дому?

– Получается, что так.

– Я б там тоже жить не стала, но вполне допускаю, что прелесть жить в атмосферном месте присутствует. Ну и он же там с тобой живёт! А это главное. Про друзей – хрен знает, надо разобраться, насколько они ему важны. Но так-то симптом не очень. А про то, что не говорит детям про развод, – это понятно почему.

– Мне непонятно, объясни? Им дохрена лет, и они каждый живут своей жизнью: один в Калифорнии, а другой в Лондоне, точнее, другая. Дочь. А встретили мы сегодня крёстного этой самой дочери. Я понимаю, что есть семилетняя Соня, и у меня нет вопросов, почему он ей ничего не говорит. Почему для нее он создает картинку счастливой семейной жизни. И я бы сама за Соню жизнь отдала, она и мне не чужая. Но вот старшие. Объясни мне? – со всхлипываниями говорю я, сидя на закрытой крышке унитаза.

– Ну как тебе объяснить. Вот представь. Звонит тебе папа и говорит: я развожусь и у меня новая любовь. Твоя ровесница, кстати. Надеюсь, вы станете подружками. И да, квартиру мы размениваем.

– Плохой пример. Мои родители никогда не разведутся. Но допустим.

– Вот. Его дети тоже считают, что родители вместе навсегда. Ты попробуй свои чувства представить, будь ты на месте детей Валеры. Может, тебе станет понятнее, почему он не горит желанием сообщать им эту новость. А ещё это бабки. Новая жена, считай, дели наследство на четверых. А если ты ещё и ребёнка родишь, то денежки их плавными движениями перетекают тебе в карман.

– Ты так говоришь, что получается, что я действительно отъехавшая. И при чём тут деньги? У Валеры их на всех хватит.

– Ну что ты заладила. Это твоя изюминка. Гордись своей связью с космосом. А ещё он же тебя любит. Смотри на его поступки, а не на слова. А про деньги, так это тебе они не сильно нужны. Но ты уникал. Все остальные за копейку удавятся.

– И что мне теперь делать?

– Пописай. Утри сопли. Вымой руки. И иди к своему идеальному мужчине дальше пить шампанское и есть фуа-гра. Мне завтра на работу, я спать.

– Спасибо, – говорю я уже отключенному телефону.

Разговор с подругой приводит меня в чувство и действует успокаивающе. Бежать через окно уже расхотелось. А очень захотелось домой.

Валера сидит за столиком, и у меня есть возможность разглядеть его, пока я иду к нему. Какой же он для меня любимый и родной. Машка права, надо смотреть по поступкам.

– Я уже решил, что ты всё-таки сбежала.

– Очень хотела, но передумала.

– Поехали домой, у нас там пёс брошенный.

– Поехали, я уже расплатился и попросил нас завернуть с собой еду. Заказав на свой вкус тебе пару десертов. Вдруг дома тебе захочется заесть сегодняшнюю драму сладким?

– Всё-то ты про меня знаешь. Смеешься надо мной?

– Нет. Люблю. Я ещё и шампанское взял, вдруг вместо слёз образуется праздник?

– Я тебя тоже очень люблю, – со смехом говорю я и понимаю, что перестала на него злиться.

Дома пёс встречает нас радостным визгом. Или я не знаю, как этот звук назвать. Гавкать он ещё не умеет. Оглядываю строгим взглядом коридор, там всё, как и было. Никакого урона имуществу.

Я выпускаю щенка на улицу, чтоб сделал свои щенячьи дела. И он пропадает в темноте.

– Как же мы теперь его искать будем? Ничего же не видно?

– Он умный, сам придёт, – я почему-то в этом уверена. Так и произошло. Через десять минут щенок, весь в снегу и с высунутым на один бок языком, забегает в дом. Перевязанная лапа ему совсем не мешает.

Дома тепло и уютно. Я осматриваю старые деревянные стены, пока ставлю чайник на плитку. Как можно не любить это место? Осенью все стены и потолок зашкурили и покрасили специальным белым маслом. Структура дерева осталась видна, а стены приобрели чистый новый вид. Русскую печь в центре комнаты тоже отреставрировали. К столу и старому буфету добавилась раковина со шкафчиком. А еще появились кресло-качалка и книжный шкаф. Холодильник со стиральной машинкой нашли своё пристанище в коридоре под лестницей. По мне так рай, о чем еще только можно мечтать?

Я впервые сейчас смотрела на Валеру в этих интерьерах с точки зрения его мира. Вот он вешает свое кашемировое пальто на гвоздь, торчащий из стены. Меня такая вешалка не смущала, но сейчас я задумалась. Высоты потолков едва хватает, чтоб он со своим ростом не сшибал потолочные балки. Двери тоже низкие, и ему приходится нагибаться, чтоб пройти в ванную. Завтра я подумаю, что делать с этими знаниями. Сюда даже я никого никогда не приглашала, а что говорить про друзей Валеры. Он прав, те люди, которых мы встретили сегодня, в этом месте будут в шоке от увиденного.

– Прости, – только и могу сказать я, когда Валера появляется у стола. – Мне не стоило устраивать сцену, не поговорив с тобой нормально.

– Ты сейчас задай мне все вопросы, если они у тебя остались, и закроем эту тему.

– У матросов нет вопросов. Только один. Что с твоим юбилеем? Я бы хотела устроить тебе праздник, но теперь понимаю, что сюрприз может иметь обратный эффект.

– Я не хочу никаких праздников. Давай вдвоём сходим в ресторан и отметим. Все остальные мне в этот день не нужны. Дети ещё не приедут. А устраивать из своего дня рождения смотрины моей новой жены я не хочу. Если ты действительно хочешь меня порадовать, давай без сюрпризов.

– Договорились. А ещё я начну искать нам новый дом.

– Эй, давай без подвигов. Резко ты переобулась. Давай в ритме вальса двигаться к намеченной цели. Налей мне чаю. Предлагаю поесть сладкого на ночь и заснуть в нашем морозильнике. У меня завтра в девять совещание. А кто-то может спать до обеда.

– Поддерживаю. С завтрашнего дня на диету. На работу. В новый дом.

Валера смеётся, он не верит в решительность моих намерений. Честно говоря, я и сама не верю. Это новые для меня мысли, нужно с ними переспать.

Глава 4

Очень незаметно пролетели следующие две недели. И вот он, день рождения Валеры. Утро. Хотелось бы начать с того, как я просыпаюсь и устраиваю романтический завтрак. Но нет, это не наша история. Сегодня пятница, и только к обеду Валерочка вернётся из Москвы. Вот так романтический завтрак превратился в праздничный обед. И этот самый обед приготовила ему я! Чем гордилась невероятно.

Пёс Песец чувствует себя хозяином в этом доме. Как я и предполагала, привязанность наступила катастрофически быстро, и я не смогла его отдать. Я даже написала объявление на «Авито». Прикрепила несколько фотографий. А потом одна очень впечатлительная девушка села на электричку и поехала за ним. Но сердце моё дрогнуло. Мы с псом встретили эту девушку на перроне,

вручили коробку конфет и бутылку вина. И посадили на другую электричку в обратную сторону, прежде уверив, что пёс в надежных руках. И пошли с Песцом домой. Эта дурацкая кличка приросла к нему намертво. Придуманная в экстремальных условиях у ветеринара, она очень точно отражала его внешность и характер.

Мой старый и горячо любимый белый песцовый полушубок плавно переключал к нему на лежанку. И он так часто зарывался в него, а торчал только чёрный нос, что точнее дать ему имя было невозможно. А ещё он любил копать снег и шариться по углам. Совсем не гадил в доме и грыз только свою палку. Ну как можно отдать такую прелесть? Значительно позже выяснилось, что в псинном характере и привычках имеются нюансы. Но к тому моменту я полюбила его всем сердцем и о том, чтобы отдать его, речи не шло.

За эти две недели произошло ещё одно занимательное событие. На следующий день после того, как мы встретили друзей Валеры, он подарил мне кольцо. Да-да! Самое что ни на есть кольцо с бриллиантом! Пришёл вечером на следующий день с букетом роз и маленькой коробочкой. И пусть речь совсем не соответствовала кольцу, но меня она устроила.

– Я не могу сейчас дать тебе штамп в паспорте. Но зато моё сердце твоё! Пусть это кольцо будет первым, позже я подарю тебе другое. Это – пакт о намерениях. Я женюсь на тебе, если ты умеешь ждать. Я люблю тебя. Пусть у этого будет материальное подтверждение серьёзности моих планов. Вам же, девушкам, это важно? – сказал мне Валера при вручении.

Я растаяла мгновенно. Больше мне ничего и не требовалось. Он меня любит. К семейной жизни готов. А то, что ещё не разведен и по факту никому и не сказал о своей новой жизни, – это мелочи. И невероятной красоты кольцо идеально село на нужный палец. Очень нескромный и большой бриллиант в центре, а по контуру россыпь маленьких.

Я летала. Бабочки в моём животе плели хороводы и танцевали, а лучшая подруга тут же сообщила о своей белой зависти ко мне.

– Вот что ты уперлась в развод, замужество, семейные обеды и статус? Зачем всё это нужно? Вот у меня это есть, я даже счастлива в браке. Но ты не ценишь своего счастья. А я б с таким удовольствием сейчас одна с твоим кольцом и

бокалом вина страданула, сидя на крыльце с видом на ледяное озеро... – шёпотом мне в трубку говорила Машка с детского утренника.

– Я ребёнка хочу, – вдруг совершенно неожиданно для себя говорю я.

– Возьми моих двух. Я, ей-богу, устала смертельно. Поживи неделю с малолетками и погодками и повтори своё желание.

– Я своего хочу. Мне кажется, я созрела.

– Тоже так думала, а потом у меня появилось двое детей и собака. И муж пять дней в неделю на работе до ночи. А моя работа никуда не делась. И к этому я оказалась не готова. Нужно было дольше с Олегом вдвоём пожить. Глядишь, я сейчас не была бы такой вымотанной злобной стервой.

– Ну что ты такое говоришь. У тебя идеальная семья.

– Вот на всё тебе хочется повесить штамп идеальности. Нет таких семей, у каждой свои тараканы и сложности. У меня обычная семья. Я ее очень люблю, ни на какую другую не променяю. Но я задолбалась смертельно, – говорит Машка со вздохом и вешает трубку.

Кольцо Валеры впечатлило меня до самой глубины сознания, и я решила меняться. Первое, с чего я начала, – это приняла решение изменить отношение к домашнему хозяйству. Теперь в моем доме всегда будет еда – так гласило моё новое правило! И тут же я нейтрализовала маму – попросила мне помочь с осваиванием новых знаний. Не то чтобы я совсем безрукая, нет. Я вполне владею обычным набором навыков и могу приготовить что-то простое. Мама составила для меня список продуктов на двух листах. По её версии это то, что всегда должно быть дома. По мне так с этим списком можно блокаду пережить, но я не стала спорить с мамой и послушно купила всё. Ещё важно было покупать это в разных местах, что было за гранью моего понимания. Но все инструкции, связанные с местом покупки, я исполнила. На это ушел целый день. Я мыкалась по рынку и супермаркетам и не понимала, в каком месте что искать.

Квест с покупками был мной успешно пройден, и дальше настала черед фасовки, переработки и заморозки. Я даже съездила на склад и забрала две коробки с посудой. Мои сковородки и кастрюли дождались своего часа. А потом

оказалась, что приготовление ужина занимает час моего времени. Надо только достать кусок мяса, рыбы, субпродуктов – или того, что мама называет «основной частью», из морозилки. Решить, что будет сегодня гарниром, – овощи замороженные и нет тоже в наличии. А потом порезать салат – и тут есть ноу-хау: мытая, порезанная и расфасованная зелень продается в любом магазине, остается только налить туда заправку и порезать пару помидоров.

А ещё у меня в шкафу появились всякие банки, которые можно замешать с нужными макаронами, и ужин готов. В общем, с готовкой оказалось всё не так сложно, если провести подготовительную работу по мамину методу.

Валера был счастлив. Он сначала пробовал моё первое блюдо с опаской, но потом всё съел и просил еще. Я волновалась, что он, как человек избалованный ресторанами и домашним поваром, просто не станет есть мои макароны. Но надо отдать ему должное, замечаний не было, только благодарность.

Вместе с готовкой появилась куча грязной посуды, и я стала думать, куда и как вмонтировать посудомойку. Готовить и мыть было несложно и даже приятно, я видела в этом новый этап в наших отношениях. Но мне было жалко тратить на это время.

За эти две недели я успела нарисовать не одну, а целых две полноценные картины. Одну акварелью, а вторую маслом. И до сих пор не выбрала, какую из них подарить. Сегодня это нужно сделать. На обеих один и тот же сюжет. Дом со стороны озера, там крыльцо и кусок веранды. Палисадник и три яблони. В общем-то, это всё, что попадало на картину. И хотя я и рисовала ее зимой, но на картинах летний пейзаж. С сочными красками, яркостью летних цветов и всем тем, что было декорацией к нашему начинающемуся роману. Я рисовала на улице наброски с натуры, чтоб уловить пропорции и композицию в целом. Но вот цвета я брала из головы. Из воспоминаний.

Акварель нежнее и выглядит более трогательно. Она – отражение моей трепетной и нежной сущности. Все мои акварели по большому счету похожи. Одни цвета и техника делают разность сюжета незначительными. Это меня и смущает, картина выглядит как детский рисунок. Даже рамка из дорогого багета не делает её серьезнее. Увидев результат, я и начала писать маслом на холсте. Вот это совершенно другая история. Тот же дом, цвета, но сама картина и впечатление от нее другие.

Вот и сейчас я смотрю на обе свои картины, лежащие на столе, и думаю, какую из них заворачивать в подарочную упаковку? Что выбрать: своё виденье этого места или ту, что дороже смотрится? Акварель он не повесит у себя в кабинете, для меня это сегодня аргумент. Пора завязывать со своей наивной инфантильностью и подумать, чем Валере не стыдно будет хвастаться!

С недавних пор я стала всё больше задумываться, как всё это смотрится со стороны. И раз я собиралась всерьёз и надолго быть в этих отношениях, мне стоит учитывать и как Валере в них. А для него общество, статус, партнёры и семья – это важные атрибуты счастья.

Поэтому подарю ему масло. Моя учительница по живописи гордилась бы мной. Это хорошая картина. Мне нравится. Только одно меня смущает: она яркая, насыщенная и такая... не про нежность, одним словом. Мне хотелось картиной передать любовь, у акварели это получилось. А вот эта скорее про страсть и про жизнь. Ну да ладно, зато её можно повесить в приличном месте, а не только в детской комнате.

«Картина нашей любви», – написала я на обратной стороне холста. Звучит пафосно и нарочито, но как есть. Мне очень хотелось, чтоб он всякий раз, как смотрел на эту картину, улыбался.

Я аккуратно заворачиваю её в коричневую пергаментную бумагу и прикрепляю маленький золотой бантик сбоку. Акварель я повешу у нас с ванной, ей там самое место. По цветам и настроению очень подойдет к стене над дверью.

В этот момент у меня начинает звонить телефон. Игорь. Опять он. Что бывшему мужу от меня нужно? Я совсем не хочу с ним разговаривать. Но это уже пятый звонок за последние две недели. Игорю если что-то нужно, он не отстанет. Может, заблокировать его нафиг? Все юридические вопросы мы решили ещё летом. А слушать про то, как у него всё хорошо, я не хочу. И поделиться мне с ним нечем. Пусть он горит в аду, вот всё, что я могу ему пожелать после того, как он бросил меня и ушел к другой женщине. Мне казалось, что я его простила, но, видимо, не до конца.

Вот сейчас смотрю на экран телефона с его именем и понимаю, что не простила. И мне не хочется понимать, что же там во мне сидит, что кровоточит и не дает пожелать ему добра и мило поболтать. Не сегодня, не буду тратить время на

человека, который однозначно испортит мне настроение. Потом. Перезвоню ему утром. Сегодня день для Валеры.

Я приготовила сегодня такой обед, что сама удивилась своим кулинарным достижениям. За эти две недели я уяснила одно – надо слушаться маму в вопросе приготовления еды на сто процентов. Мама – мастер метать на стол сложные блюда. Но теперь я точно знала – это видимость. Мама просто в совершенстве владеет навыками маскировки обычной еды под что-то очень вкусное и красивое.

Я съездила на рынок и забрала пакет, специально приготовленный для меня мясником. Инструкции, что конкретно мне нужно, давала ему мама по телефону. И да, у меня теперь есть свой мясник, он же мамин. Кто бы мог подумать. Там лежала утка и еще что-то. Потом дома я педантично нарезала, натирала, выдавливала и замачивала – мама зорко смотрела за моими действиями по видеосвязи и комментировала неустанно. Своеобразный тимбилдинг с мамой прошел на ура. Ей очень нравилось, что я взялась за ум и не огрызаюсь на её советы.

В три часа я слышу звук подъезжающего автомобиля. Стол готов, я, нарядная и довольная, иду встречать своего мужчину. Машина с трудом протискивается в наш проезд и останавливается рядом с моим автомобилем. Пёс выбегает на улицу у меня между ног и плюхается с разбега в лужу у крыльца. Псу нравится эта мокрая грязь, и он с восторгом прыгает по ней.

Валера выходит из машины, а пёс уже прыгает вокруг. В костюме он импозантный и важный, но при этом я понимаю, что он усталый. Когда Валера подходит, я замечаю тёмные круги у него под глазами.

– С днём рождения! Это тебе, – говорю я и протягиваю увесистый свёрток, когда Валера заходит в дом.

– Спасибо! Денек тот ещё. В пять утра вылетел, хотел домой заехать, но самолёт задержали на два часа и я с трудом не опоздал на важную встречу. Потом ещё одни переговоры, китайцы три часа из меня жилы тянули. И с утра телефон не замолкает, все звонят, поздравляют, – говорит Валера и кладёт мой подарок на шкаф.

– У тебя ещё есть дела сегодня или дальше празднуем?

– С работой на сегодня всё. Я обещал к Соне заехать. У неё для меня сюрприз. Это она мне сказала утром, когда поздравляла. Я думаю, что это недолго. Сейчас мы пообедаем и схожу к ребёнку. Вернусь и будем танцевать. Ты будешь со мной танцевать?

– Конечно, буду. Сегодня – любой каприз.

– Как же аппетитно пахнет. Я сейчас слюной захлебнусь, – говорит Валера и рукой отламывает кусок утки и надкусывает.

– Боже, ты сейчас свой костюм уделаешь жиром, дай я помогу тебе снять пиджак.

А дальше мы мило обедаем, смеёмся и в перерывах между непрекращающимися звонками с поздравлениями целуемся. Он держит меня за руку и смотрит влюблёнными глазами. В какой-то момент я ловлю себя на мысли, что если есть абсолютное счастье – то это сейчас.

– А ещё у меня полный багажник подарков. В офис всё утро доставляли. Я вернусь и будем распаковывать.

– Ты любишь подарки? – со смехом говорю я и кладу оливку ему в рот. Эта его мальчишеская непосредственность трогает меня. Я не перестаю удивляться, как он сумел её сохранить? Человек может купить себе всё, а способен радоваться подаркам, как ребёнок.

– Там, скорее всего, сплошные бутылки с алкоголем, но, может, и не только. Бутылки я обычно передариваю, мне пить много нельзя.

– Круговорот элитных бутылок в верхах? – со смехом говорю я и допиваю свой бокал с шампанским. – Как это смешно. Столько мемов в интернете, как к человеку через год возвращается его же подарок.

– А что делать? Моя жена раньше забирала такие подарки и передаривала чиновникам, артистам, меценатам и благотворителям. Там точно не было моих

друзей, так что шансов нарваться на щекотливую ситуацию было мало.

– Значит, теперь будет возможность у меня пожить.

– Договорились. Вечером разбираем подарки, всё, что тебе понравится, забирай.

– Какой ты милый. Обещаю не наглеть.

Так незаметно пролетают два часа. Валера, сытый и довольный, рассказывает мне всевозможные смешные истории из жизни. Пёс лежит под столом и мечтает выпросить чего-то вкусненького, именно того, что ему есть совсем нельзя.

За эти две недели лапа зажила. От бывшей худобы не осталось и следа. Рыжая шерсть лоснилась и блестела, а сквозь щенячий пух стали проступать жесткие черные волоски. Уши висели как два лопуха, но ещё была надежда на их скорое вставание. На последнем приёме ветеринар сказал, что хоть порода и непонятна, но то, что пёс будет крупным, не вызывает сомнений. Было в Песце что-то от лайки и от овчарки. Проблем с аппетитом у этого парня тоже не наблюдалось, но доктор просил по возможности до прививки человеческой едой его не кормить.

Потом помытый, побритый и переодетый Валера уходит, а пёс отправляется в коридор на свое лежбище. И наступает тишина. Кофе варится на плитке, а я решаю разжечь огонь. Немного отлаженных движений, и я на кресле, у меня в руках дымится ароматный крепкий напиток, а в топке мерцает огонь. Вместо сериала я начинаю смотреть дома на продажу неподалёку. Потом квартиры. А потом пропадаю в пучине интернета и оказываюсь поглощена цифровым мусором.

Через три часа я понимаю, что Валеры всё ещё нет. Пес начинает скрестись в дверь и подвывать. Пора бы с ним погулять. Я накидываю пуховик и выхожу на крыльцо. Пёс тут же пропадает в темноте. И только радостные шлепки по лужам говорят, что он где-то рядом.

Как неожиданно монотонно складывается сейчас моя жизнь. Раньше мне казалось, что в ней должно быть постоянное движение. Новые впечатления, яркие эмоции, друзья, тусовки, путешествия и планы на десять лет вперед. А сейчас мне хватает старого дома, мужчины и пса. И этот мир мне безумно дорог.

А от мысли, что пришло время двигаться дальше, щемит в сердце. Валере стыдно за наш шалаш, и я умом понимаю, что, если я хочу развития наших отношений, нужно переезжать. Нужно искать работу, чтоб не отупеть и заниматься любимым делом. Нельзя всю жизнь прожить в коконе, как бы сильно этого ни хотелось. Сегодня внешний мир меня пугает. Мне кажется, что там, за оградой старого дома, стоит только выйти, мое счастье сразу под угрозой. С чего я так решила? Не знаю. Просто чувствую.

Лирическое настроение подкрадывается откуда не ждали. Я сажусь на родные ступеньки и всматриваюсь вдаль. Ещё не слишком поздно, наверное, часов восемь, но темнота непроглядная. Весь снег растаял, фонарей на участке у нас нет. Только по краям светятся соседские дома, а с торца сверкает большой дом Валеры.

Настроение у меня начинает портиться. Я решаю выпить вина и иду в дом на поиски подходящего. Этого добра у нас в доме с избытком, и я возвращаюсь с бокалом, штопором и, собственно, бутылкой красного французского.

Пёс, набегавшись, приходит ко мне и садится рядом. Грустные голодные глаза заставляют встать со своего места и сходить домой за колбасой. Нам обоим. Но невероятным образом оба бутерброда оказываются съеденными собакой. И вот уже довольная мордочка лежит у меня на колене и мирно посапывает. Мне нравится его гладить. На ощупь пёс невероятно мягкий. А ветеринару мы не скажем, что пес колбасой балуется. Когда это обычной дворовой собаке колбаса вредила?

Так вот я и сижу: в темноте, с бокалом и спящим щенком. Немного зябко от влажности, но мой огромный пуховик не дает мне замерзнуть. Я присмотрела нам два дома, один из них находится в этом же поселке, но с другой стороны озера. А второй в двадцати минутах езды, в Ольгино. Буду Ольгой из Ольгино. Или нет? В любом случае завтра съездим, посмотрим, а там если нам понравится, то переедем. Интересно, а мы успеем это сделать до Нового года?

Из раздумий меня выдёргивает телефонный звонок. Игорь. Вот он упорный.

– Привет! – говорю я, понимая, что глупо было две недели не брать трубку. Но так приятно его позлить. В этом я не могла себе отказать. Думаешь, весь мир живёт по твоей указке? А нет! Побегай ещё за мной.

– Ты почему трубку не берёшь?

– А я что, обязана это делать, лишь только ты решишь мне позвонить?

– Эй! Ты чего? Я волноваться начал, вдруг что с тобой случилось? Я уже теще собрался звонить.

– У тебя теперь новая теща. В комплекте с новой женой. Вот ей и звони! – сколько же во мне до сих пор обиды, я и не подозревала.

– У тебя всё в порядке? – не унимается Игорь.

– А тебя это по какому поводу волнует? Не всё ли тебе равно, как складывается моя жизнь? – Игорь попал под горячую руку. Я трубку взяла, будучи в плохом настроении. Теперь вот есть на кого всех собак спустить.

– Надо встретиться.

– Зачем?

– Это не телефонный разговор.

– Да, катись ты к чёртовой матери! – говорю я и выключаю разговор.

И совершенно неожиданно даже для себя я расплакалась. С чего это? Всё же хорошо, подумаешь, Игорь позвонил.

Я утирала слёзы, которые никак не хотели заканчиваться. Они катились мне за воротник, и очень быстро шея стала мокрой. Пёс проснулся от моих всхлипов и стал, как мог, утешать меня. А мог он лишь слизывать слёзы с моих щёк и капающие с носа сопли. И очень быстро я стала не только в слезах и соплях, но и в собачьих слюнях.

Мне стало обидно и больно, оттого что Валеры до сих пор нет. А Игорь делает вид, будто мы друзья. И у каждого из них своя жизнь, а я тут сижу одна в темноте и пью в одиночестве. В тот момент, когда я поняла, что истерика подкралась откуда не ждали, раздались громкие выстрелы. А потом взрывы. И

куча разноцветных огней озарили небо надо мной. Салют. Начался салют, и я сразу поняла, где именно он начался.

Пёс от страха забрался ко мне на колени и стал жалобно скулить и прижиматься ко мне всем тельцем. Я встала и со щенком на руках пошла к забору. Туда, где была дверь, соединяющая наши участки. Залпы шли один за другим.

Не отдавая себе отчёт, зачем я это делаю, я пошла к бывшему дому Валеры. Я слишком хорошо знала все тропинки этого участка, чтоб без труда подойти к дому со стороны кухни и остаться незамеченной. Я стояла за елкой в тени, чуть поодаль от большой террасы, и все отлично видела.

Я без труда узнала силуэт Валеры и Соню у него на руках. Вот Зоя и Нина Павловна стоят у края дома, прижимая руки к груди. Ещё я сразу поняла, что за женщина в шубе стоит рядом с хозяином дома. Но вот остальные люди были мне не знакомы. Я пыталась посчитать, сколько же их? Я сбилась после двадцати, и это точно были не все. Атмосфера всеобщего веселья и праздника витала в воздухе. Кто-то кричал, кто-то свистел, а кто-то хлопал в ладоши, когда залпы взрывались один за другим.

Пёс скулил у меня на руках и лизал мою щеку. Его тельце была мелкая дрожь. Это и привело меня в чувство, я поняла, как же ему страшно.

– Не бойся, я с тобой. Пошли домой. Не стоило сюда приходить.

Салют закончился так же неожиданно, как и начался. Я села на те же ступеньки и залпом выпила оставшиеся полбутылки вина. Мне очень захотелось скорее стереть из памяти картину, свидетелем которой стала так некстати. Почему меня это так впечатлило? Я сидела в состоянии шока и не могла прийти в себя. Что вообще это было? Как «я пошел к ребёнку забрать подарок» переросло в салют с гостями и бывшей женой? Я пребывала в трансе и ещё не решила, как ко всему этому я отношусь. Мне хотелось понять, что же я чувствую на самом деле? Пока же я чувствовала, как слёзы подступают к глазам, но им пролиться мешает икота.

На телефоне пикнул сигнал сообщения. «Буду поздно. Не жди», – пишет Валера.

Господи, почему всё так сложно?

В кармане опять начинает вибрировать телефон. Я не хочу отвечать, но звонок очень настойчиво повторяется. Сейчас заблокирую Игоря, пусть катится ко всем чертям, вообще не до него мне сейчас. Но беру в руки телефон и понимаю, что это не он.

– Привет, подруга, у тебя всё хорошо? Мне Игорь только что звонил, говорит, хотел поговорить, а ты его к чертям отправила. Просил посодействовать встрече! – бодрый Машкин голос с домашними фоновыми звуками раздался в телефоне, когда я ответила.

– Да я даже не знаю, как у меня дела. Игорь под горячую руку попал. Не хочу его ни слышать, ни видеть.

– Злишься? Он сказал, что ты с ним разговаривать не будешь, поэтому передает через меня, что это вопрос денег. Он осознал, что был не прав при разделе совместно нажитого, и хочет отдать тебе половину фирмы. Так что я сегодня передам. Надеюсь, хорошие новости. Или нет? Не вздумай швыряться этими деньгами.

– Хрена себе, неожиданно. Вот это поворот.

– Вот и я о том же. Перезвони ему.

– Не могу я сейчас разговаривать с Игорем. Скажи, я позвоню ему на следующей неделе.

– А что с тобой?

Я начинаю путано объяснять, как и что сегодня произошло, но Машка обрывает меня на полуслове и говорит:

– Приезжай к нам, ну что ты там одна будешь эту ситуацию в голове гонять. Вызывай такси и приезжай!

– Неудобно, поздно уже.

– Да какое поздно? Давай приезжай, дети даже ещё не спят. А то придумаешь себе всякого! Не дури, мать. Я сейчас тебе такси вызову, какой адрес?

– Да не надо, я сама могу, что я, совсем немощная, что ли?

На этом наш разговор заканчивается, а через час я в такси уже подъезжаю к дому подруги. Пес накормлен, выгулян и оставлен на своей любимой лежанке. У меня в багажнике два пакета с едой и подарками детям (из ближайшего гипермаркета по дороге) – сегодня я не буду рыдающей унылой тётей.

Глава 5

Я с Машкой рядом всю жизнь. Мы жили в соседних домах, вместе учились, потом выходили замуж. Я встречала два раза ее из роддома и стала крёстной обоим её детей. До моего развода наши жизни шли очень близко. Каждый день созвон, через выходные в гости, все праздники вместе – много лет это было для меня нормой жизни. Но последний год изменил меня. Я замкнулась в себе. Печаль с такой силой одолела меня, что даже появление Валеры не смогло вернуть меня в мой привычный ритм жизни. Развод так ударил по моей жизни, что вместе с Игорем из неё вылетела и вся Машкина семья. А я люблю Машку, люблю её мужа Олега и их детей, Мишу и Гришу. Мне всегда нравилось быть тётей, которая приносит подарки. Но за последний год я стала тётей, которая всё время плачет. Или её просто нет.

Машка с семьей так ни разу ко мне не приехала посмотреть, как же я теперь живу. Скорее всего, я просто не приглашала. Вот я тупица. Моя подруга только выглядит напористой и беспардонной, на самом деле она деликатный человек.

Вот и сегодня я еду к подруге со своими печальями в поисках утешения и поддержки. Как же мне это надоело. Ещё сегодня днём я думала, что счастьем моему нет конца и края, а что не так сейчас?

– Покажи кольцо! Срочно, я хочу понять, как сильно можно ненавидеть твоего мужика! – это первое, что говорит мне Машка, едва я захожу к ней в дом.

Тут же в прихожей выстроились дети вдоль стенки, а собака, виляя хвостом, обнюхивает мои пакеты.

– Что ты сделала с детьми, почему они такие смирные? – это уже я удивляюсь нетипичному поведению крестников. – Идите сюда, я вас обниму. Как же вы выросли!!!

– Привет, тётя Оля, нам мама сказала, что воспитанные мальчики не набрасываются на гостей в прихожей, а дают им раздеться и помыть руки, прежде чем обниматься.

– То есть требовать показать кольцо через порог – это нормально? А детей у стенки построила. Что ты за лицемерка! – говорю я подруге в ванной, пока мою руки, а она примеряет и рассматривает моё кольцо.

– Мы все хотим, чтоб дети были лучше нас! Оно великолепное, просто нет слов. Я даже предположить не могу, сколько оно стоит, но, думаю, как моя ипотека. Не смей им кидаться в Валеру, когда решишь его бросить!

– Да не собираюсь я его бросать! Это скорее он вернется в семью.

Мы сидим на кухне. Дети с подарками убежали играть к себе в комнату. Машкин муж тоже где-то затихорился. И только Джек притаился рядом в надежде, что ему перепадет кусок колбасы от меня. Машка в вопросах колбасы – кремень.

– Почему ты наливаешь вино в кружки? – спрашиваю я подругу, когда вижу, как она украдкой достает бутылку вина из пакета, открывает и разливает вино по двум большим кружкам до краёв. А пустую бутылку ставит в верхний кухонный шкафчик. – У вас что, сухой закон?

– Да. Мишка в садике узнал, что те, кто пьют вино, очень быстро умирают, и теперь в истерику впадает, когда видит бутылку.

– Ничего себе у них там в садике разговоры. А ты не можешь ему объяснить, что это не так?

– Могу, но зачем? У него в садике есть друг Саша, – шёпотом начинает рассказывать мне Машка – У друга пьющая семья. Дед недавно умер на этой почве. Чего там насмотрелся Саша, я представляю. У меня таких детей на работе – через одного. Я своему объясню разницу, и он пойдет делиться этим куда? В садик! К тому же Саше! Тема алкоголизма слишком сложная для пятилеток, поэтому пока дома мы просто пьем много чая.

– Так ты же за честность в разговоре с детьми?

– Я за адекватную честность! Не тупи.

– Как же всё сложно. И что, ты всегда теперь будешь прятать вино от детей?

– Нет, его страх скоро пройдет. Он забудет. У него же нет собственного травматичного опыта.

Я вижу, как Машка напряглась. Я знаю, что эта тема для неё непростая. Её отец много пил и рано умер. Мне становится её очень жалко, я помню, сколько всего она пережила в детстве. Мы вместе частенько встречали дядю Колю с работы, искали по подворотням и находили спящим на детской площадке или где похуже. Я лишь иногда участвовала в этом, когда оказывалась рядом в критический момент. А Машкино детство прошло в попытках спасти отца от пьянства.

Я беру подругу за руку и говорю:

– Этот кошмар больше никогда не повторится в твоей жизни.

– Знаешь, как я каждый день за него боялась? Как ждала его с работы? По повороту ключа в замке понимала степень его алкогольного опьянения? Я так сильно боялась, что с ним что-то случится, что забывала его просто любить. А потом он умер, а страх всё равно остался. Что это всё есть во мне, что я тоже алкаш.

– Не говори так, ты вон какая молодец. У тебя хорошая семья, дети, ты людям помогаешь!

– Ладно, – со вздохом говорит Машка, – давай сменим тему. Рассказывай, что с тобой сегодня. А то я ничего не поняла.

И вот уже я пытаюсь в хронологическом порядке рассказать, что и как сегодня произошло. Но сбиваюсь и понимаю, что сама не поняла, отчего впала в психоз.

– Понимаешь, стою я за ёлкой и как будто подглядываю за чужой жизнью. У них там семейное торжество, все Валеру поздравляют. И жена бывшая рядом стоит – красивая, элегантная, икона стиля. И ему за неё перед друзьями не стыдно. Как будто Валера забыл, что она ему изменила. И они все там близкие и родные. У них дом, дети, друзья и салют. И самое ужасное, что я очень хочу на её место. Я тоже хочу семью – большую и крепкую. Но меня там нет. И я только сейчас начинаю понимать, что Валера разведётся, но ничего не поменяется. У него уже есть семья и есть я. А у меня семьи нет!

– Ну ты это загнула. Есть у тебя семья, а как показал недавний юбилей твоей мамы – она значительно больше, чем ты думала.

– Ты не поняла, про что я? Я хочу быть причастной к чему-то большему, чем я. Чтоб когда я буду старая умирать, вокруг собралось много любящих меня людей. Хочу печь индейку на Новый год и чтоб как в американском фильме! – мысли путаются у меня в голове, я пытаюсь объяснить подруге свои чувства, но вижу, что она меня не понимает.

Громкий Машкин хохот прерывает мою речь.

– Ну ты даешь! Прости. Тебе вряд ли понравится то, что я скажу. У тебя уже есть семья! А то, что тебя так впечатлило у Валеры, – это идеальная картинка в красивых интерьерах. И твоё богатое воображение. Идеальных семей не существует. Ты ж не видела, как они могли до этого все переругаться? Семья – это просто люди, объединенные одной идеей, как правило, идеей воспитания потомства. А дружная она или нет – это вообще переменная. Сегодня дружная, а завтра нет, а через десять лет опять дружная. Ты сама много лет воротила нос от своих родственников. С братом у вас близости нет, вы просто не общаетесь. Почему? А могла бы. У тебя пять двоюродных братьев и одна сестра – и с ними тоже не заладилось. Про тёток, дядек я вообще молчу. Твой род по маминой линии мне кажется бесконечным, но ты ни с кем из них не общаешься. Даже к бабушке своей не ездешь, а ты с ней выросла и в детстве обожала. С родней

Игоря у тебя тоже не пошло. Тебе только от мамы никуда не деться, она сама тебе звонит, приезжает и требует внимания. Печь индейку? Да ты готовить ненавидишь. И гостей тоже. Сколько себя помню, но званые ужины – это вообще не твоё. С чего вдруг тебя одолела зависть к Валериным семейным ценностям?

– Не знаю. Но я вдруг увидела себя одинокую со стороны, и мне стало себя очень жаль. Как будто у меня только пёс и есть.

– Так это твой выбор. И только ты можешь его изменить. У тебя дофига кто есть. И, между прочим, мы тоже твоё семейство. У тебя есть те, кому ты можешь позвонить в любое время дня и ночи. Есть кого позвать на индейку. Хотя я тебя умоляю, начни с курицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кэжуал (англ. Casual) – стиль одежды для повседневного использования, главными чертами которого являются удобство и практичность.

Купить: https://tellnovel.com/segida_valentina/ne-ideal-naya-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)